

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ ШАБАРИН

ПОСЛЕДНИЙ ИНЖЕНЕР

Павел Шабарин

Последний инженер

«АЛЬФА-КНИГА»

2013

Шабарин П. В.

Последний инженер / П. В. Шабарин — «АЛЬФА-КНИГА», 2013

В далеком будущем человечество покинуло Солнечную систему, чтобы найти себе новый дом в глубине космоса. Великое переселение должны были контролировать специально созданные для этой цели инженеры – элита человеческой расы, сверхлюди, совершенные как умственно, так и физически. Но колонизация нового мира пошла совсем не так, как было запланировано. Молодой инженер по имени Артур просыпается после криогенного сна спустя шесть сотен лет с момента высадки на Новой Земле. Он обнаруживает, что дивный новый мир, который должны были создать инженеры, покрыт пеплом войны. Древняя техника почти не функционирует, и жители планеты вынуждены бороться за выживание как с природой, так и друг с другом. Вся планета являет собой пустошь, выжженную двумя солнцами и погрузившуюся в хаос. Артур – последний инженер, единственный, кто может исправить ошибки прошлого и восстановить человеческую цивилизацию. Но чтобы достичь своей цели, ему предстоит пройти долгий путь от идеалиста, возвращенного в обществе без насилия, до настоящего воина, способного преодолеть любое испытание. Сможет ли Артур достичь своей цели, победить многочисленных врагов и собственные страхи? Сможет ли он сохранить при этом человечность и не стать еще одним чудовищем этого жестокого мира?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	32
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Павел Шабарин

Последний инженер

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

– ...так все и завертелось, – продолжил рассказ Старик и, как будто иллюстрируя свои слова, помешал ложкой в кружке. Маленькие кусочки грибов, которые он почему-то называл чаем, завертелись в урагане янтарной горячей жидкости, но вскоре легли на дно. Старик зачихнул в рот черствую галету, разгрыз ее и тут же сделал большой жадный глоток из кружки.

По какой-то странной причине Артуру было интересно наблюдать за тем, как Старик ест и пьет, ведь делал он это... как бы лучше выразиться... по-звериному, что ли. Куски серой протеиновой массы, чем-то схожей с паштетом, он поддевал грязными пальцами прямо из банки и с чавканьем отправлял в рот. Безвкусное лакомство застревало между кривыми, чернеющими зубами, под толстыми ногтями и на седой нечесаной бороде. Артуру приходилось питаться так же – никакой кухонной утвари, естественно, у них не было, да и есть как-то иначе, когда работает лишь одна рука, было бы проблематично. И все же он старался сохранять некоторое человеческое достоинство, поддевая «паштет» не пальцами, а галетой.

От чая Артур отказывался лишь поначалу. Попробовав его впервые, он надолго потерял аппетит. Горько-сладкий вкус буквально въелся в горло с первого глотка. Но чай позволял согреться, что было необходимо, так как на станции почти всегда стоял холод. И, кроме того, напиток обладал легким дурманиющим эффектом, а это помогало справляться с болью в руке. После, наверное, десяти кружек, которые Старик чуть ли не заставил Артура выпить, тот даже начал привыкать к отвратительному вкусу этого грибного варева.

Сейчас Старик жевал, пил и одновременно с этим продолжал рассказывать что-то крайне неинтересное из своей биографии.

Артур же продолжал наблюдать за ним и думал о том, что заставляет этого человека питаться таким диким образом и почему он не может делать это нормально. Что мешает раздобыть или на худой конец смастерить простые столовые приборы? Почему он ест так жадно, так быстро?

В какой-то момент Артур понял, что, видимо, его новоявленному хозяину в свое время пришлось пережить сильный голод. Вернее сказать, жить с постоянным голодом долгие годы. На какое-то мгновение он даже почувствовал толику сострадания, но это быстро прошло.

В целом Старик был неплохим человеком, просто... у Артура были свои причины относиться к нему предвзято.

Артур подцепил галетой еще немного протеиновой массы, подумал, что в ближайшее время сам сделает себе хотя бы ложку, и, отправив бутерброд в свою пищеварительную систему, продолжил не слушать Старика.

– ...вот так я и оказался на этой чертовой станции, – подытожил тот свой рассказ.

– А что было потом? – выдал дежурное Артур.

– А потом я узнал, что эта сволочь Герхард нашел на своей проклятой свалке одну из инженерных капсул! – Артур возвратился было к своим мыслям, как вдруг услышал то, что не могло его не заинтересовать. – Инженерную капсулу, представь себе! Я забрал полноценную станцию, а он какую-то свалку, и все, что я получил – это гору полусъедобного протеинового навоза, а этот проклятый дуболом разбогател!

Когда Старик наконец-то уснул в своем кресле, Артур укрыл его теплым пледом и тихо ушел. Не то чтобы он заботился о старом подонке, просто, если не укрыть его, тот с утра будет в прескверном настроении, а от его настроения зависела жизнь Артура.

Выйдя в коридор, пленник поправил перевязь, на которой висела его левая, ныне не функционирующая рука. Затем аккуратно провел ладонью правой руки по шее, нащупал холодный металл ошейника. Кольцо легкого сплава с подкладкой из козлама не причиняло

особых неудобств. Страдания, которые оно вызывало у Артура, носили скорее психологический характер. Ошейник в первую очередь был символом его рабства, кроме того, он являлся «почетным орденом» за глупость и самоуверенность. Самым же неприятным оказалось то, что внутри ошейника находились микроскопический заряд взрывчатки и электронный детонатор. Заряд был настолько мал, что не причинил бы вреда никому и ничему, кроме как самому носителю ошейника, то есть Артуру. Однако заряд был достаточно велик и умело расположен для того, чтобы вред этот оказался несовместимым с жизнью. Артур не знал наверняка, но с детства его учили, что нет ничего важнее его собственной жизни, а проверять правильность данного постулата он не собирался. Ошейник мог детонировать в двух случаях: первый – если Старик нажмет большую красную кнопку на своем пульте; второй – если он не будет вводить на пульт код деактивации через каждые двадцать четыре часа.

Эхо шагов Артура разносилось по узким коридорам станции «Январь-9», отражалось от кажущихся бесконечными труб и перекрытий. Тусклый свет электролюминесцентных пластин мягко расползлся по тоннелю номер шестнадцать, постепенно исчезая во мраке служебных ответвлений. Пройдя около пятисот метров, Артур свернул в одно из таких ответвлений и, побродив там немного, наконец-то добрался до своей цели. Привычным уже движением отодвинул пластину фальшпола, потом, спустившись вниз, поставил ее на место над собой.

Внизу, под перекрытиями, между трубами с горячей водой, из подручных материалов – утеплительной пены и старой ткани – был сделан небольшой лежак. Не слишком гигиенично, но тепло и удобно, а самое главное – относительно тихо. Чтобы добиться такой тишины, ему пришлось перекинуть почти всю энергию с этой секции станции на другую. Если учесть, что станция вырабатывала не более семи процентов проектной мощности, он не ожидал никаких перегрузок. В сборочном цехе, который запитал Артур, отсутствовали сырье и, наверное, даже схемы сборки, так что все, что он производил – это шум. Но до импровизированного убежища теперь не долетало ни звука. Первой мыслью, конечно, было перевести энергию на секцию, в которой жил Старик, и надолго лишить того сна с помощью адского грохота. Но Артур отмел эту идею довольно быстро – от настроения хозяина зависела его жизнь.

Энергия ушла в самый дальний угол станции, где шум оживших древних машин никому не мог помешать. Старик, который, конечно, был не в курсе того, что его новоприобретенный раб, в отличие от него самого, умеет работать с центральной консолью станции, тут же отправил Артура ремонтировать «сломанную секцию», в которой как раз и был оборудован лежак.

Артур улыбнулся, радуясь тому, как в очередной раз обдурил Старика. Он уже много раз обманывал его, избегая бессмысленной работы. Но вот чего он до сих пор, за два месяца, не сумел сделать – так это снять проклятый ошейник и вернуться к куда более важным делам, нежели невыполнение чьих-либо поручений.

Подходящие инструменты он уже нашел. Хотя станция в свое время и была прочесана мародерами вдоль и поперек сотни раз, кое-что все-таки осталось. Плоскогубцы, кусачки, две тонкие отвертки, медные проводки, изоляция и зеркало – не так уж и много на первый взгляд, но, чтобы собрать все это, Артуру пришлось потратить на поиски не одну неделю. Он так дорожил этими инструментами, что все время носил их с собой в маленьком мешочке под одеждой. С таким набором, безусловно, можно было обезвредить детонатор и снять ошейник. Но для этой вроде бы плевой процедуры требовались как минимум две руки.

А сейчас у Артура была всего одна.

Лежак получился удобным – мягким, теплым. Места внизу оказалось совсем немного: трубы оставляли мало пространства между собой. Но это было тем, что требовалось Артуру, чтобы успокоиться. Эта маленькая замкнутая камера помогала ему собраться с мыслями, напминала о прошлом, отгораживала от столь недружелюбного внешнего мира. Он чувствовал себя ребенком, забравшимся в бабушкин платяной шкаф и уснувшим под старой шубой. Не то чтобы у него когда-либо была бабушка, нет, но такую аналогию он находил весьма уместной.

Сняв перевязь, Артур стал напрягать и расслаблять мышцы травмированной руки и аккуратно массировать их. Он не знал, сколько времени уйдет на восстановление, не знал даже, восстановится ли моторика вообще. Определенный прогресс был: раньше любое движение отзывалось в руке дикой болью – теперь лишь любое *резкое* движение.

Мысли его вернулись назад, к недавнему разговору со Стариком. В последнее время он все меньше и меньше слушал его. Одни и те же истории порядком утомляли Артура, однако в самом начале его пребывания на станции именно эти истории помогли сформировать картину окружающего мира. И картина эта была далеко не красочной.

Люди довольно широко расселились по пригодным для жизни территориям, плотность населения оставалась низкой. Крупные поселения, которые Старик гордо именовал «городами», как правило, располагались вокруг геоэнергетических электростанций, робототехнических заводов или станций терраформирования. Городами этими управляли отдельные личности, обладающие либо уникальными знаниями по управлению станцией, либо большой группой хорошо вооруженных соратников, либо просто достаточной беспринципностью. В ряде случаев – всем, вместе взятым. Такое государственное устройство больше всего напоминало феодальный строй. Что особо удивило Артура, так это то, что разнообразные религии были тут обычным явлением. Порой верования принимали самые замысловатые формы, вникнуть в особенности которых он пока, конечно, не мог. Таким образом, если не считать широкого распространения «древних» технологий – начиная с огнестрельного оружия и двигателя внутреннего сгорания, заканчивая антигравитационными движками и плазменными резаками, – на планете сейчас шли Темные Века Средневековья.

За стенами вышеупомянутых городов царил форменный хаос. В пустоши, например, можно было встретить караван, идущий от города к городу, банду грабителей или мародеров, а может быть, и небольшое кочевое племя. Чтобы отличить их друг от друга, нужно было обладать неплохо наметанным глазом.

У Артура сложилось впечатление, что обитатели пустоши при встрече непременно ограбят тебя, изобьют, изнасилуют, прикончат, освежают и съедят. И будет большой удачей, если произойдет все это именно в таком порядке. Ко всему прочему, помимо людей, в пустоши водились другие животные. Местная фауна, похоже, целиком состояла из хищных мутантов и опасных тварей, крадущихся в ночи.

На самом деле, если верить Старика, то с животным миром все обстояло не так плохо, как думал Артур. Все было еще хуже. Если что-то живое не пыталось прикончить тебя, заметив, этого «чего-то» следовало опасаться вдвойне.

А вот ситуация с флорой оказалась предельно простой – флоры было так мало, что одной из главных ценностей тут считалась древесина. И хотя складывалось впечатление, что все плохое, что могло произойти с этим миром, уже произошло, Артур надеялся, что такой ужас творится лишь в ближайших районах, что Старик судит о мире в целом по тем немногим знаниям, которые мог получить, живя в этой дыре. Но в глубине разума Артур понимал, что, прежде чем стать владельцем станции, Старик успел прилично попутешествовать.

Вообще-то Артур, несмотря на все эти многочисленные рассказы, почти ничего не знал о самом Старике, разве что имя, примерный возраст и то, что он мастерски обращается со взрывчаткой и простой электроникой. Последние двадцать лет Старик провел на этой станции, после того как нашел ее вместе со своими товарищами. Что тогда произошло между ними, Артур не знал, понимал лишь, что их пути разошлись.

Он вновь вспомнил свое грандиозное фиаско, которое потерпел в самом начале путешествия. После этого события его разум полностью потерял курс и перестал понимать, каким должен быть следующий шаг. Огромный, серый, пустой мир пугал, особенно сейчас, когда Артур был травмирован и беззащитен. Снаружи, за стенами станции, он чувствовал себя невероятно маленьким, слабым. Сама его кожа будто бы истончалась, кости становились хрупкими,

а кровь настолько густой, что переставала течь по венам. Попытки выйти наружу он прекратил около месяца назад, и сейчас даже ради мысли о вылазке Артуру приходилось пересиливать себя. Но он знал, что наступит день, и ему придется это сделать, не знал лишь, когда и в каком направлении пойдет. Не знал до сегодняшнего разговора.

Старик говорил о свалке, на которой нашли то, что он назвал «инженерной капсулой». Если верить ему, то эта свалка, вероятнее всего, место падения несущего каркаса «Января». Корабль не до конца отработал сброс, и на нем еще могли оставаться отдельные секции, модули хранения, инженерные модули. Если на свалке нашли остатки какого-то инженерного оборудования, Артур должен был добраться до них. По его мнению, существовал весьма приличный шанс того, что на свалке он сможет найти какое-нибудь оборудование, которое не распознали местные дикари. Мультиинструмент, квантовый передатчик или что-то вроде ГОРАЦИО, пусть и ниже по поколению, оказались бы как нельзя более кстати. Артур был почти уверен в том, что во время спуска именно на этом корабле находился Гермгольд. Он, конечно, не мог выжить, но если бы Артур нашел хоть какие-нибудь его записи, это сильно помогло бы поискам. Возможно, среди записей он смог бы найти хоть какие-то подсказки, говорящие, где находится станция ГЕО-1. Старик упомянул, что они с Герхардом, владельцем свалки, в конце концов договорились о сотрудничестве: Старик давал доступ к электричеству станции, а Герхард поставлял ему кое-какие запчасти. По прикидкам Артура, свалка должна была находиться в полусотне километров отсюда, если следовать вдоль линии электропередач.

Закончив разминать руку, он вновь зафиксировал ее и вскоре уснул.

– Вот. – Старик кинул перед собой тук тряпок, который, соприкоснувшись с полом, вдруг загремел железом. – Одевайся.

– Но... – Артур замер в недоумении, – что это?

– Старые вещи одного... друга. Тебе нужно выглядеть солидно, когда пойдешь наружу. – Сердце Артура прыгнуло вверх и застряло где-то в районе гортани. – Я знаю, ты не любишь туда ходить, но... – Старик улыбнулся, – мне наплевать.

Лицо Артура сейчас выражало что-то среднее между страхом и гневом.

– У тебя всего два часа до того, как твое украшение скажет «бум», а код я наберу, только когда вернешься обратно. Так что, Чоп-Чоп, поторапливайся.

Пока Артур одевался и мысленно выкрикивал весь свой (к слову, не такой уж и богатый!) набор ругательств, Старик рассказывал ему о предстоящей работе.

Нужно было всего-то выйти в ангар и встретить там бродячих торговцев. Ничего сложного. Взять товар, отдать товар, может быть, немного поторговаться. Старик сам занимался этим регулярно и Артура с собой никогда не брал. Но сейчас торговцы были новые, незнакомые Старiku, и он не хотел рисковать своей шкурой.

Все не так уж и плохо, утешал себя Артур, выходить за пределы ангара не понадобится, внешний мир будет не слишком-то и близко. Да, Артура будут отделять от него не толстые стены станции, а тонкая жестяная крыша, но это не так страшно, особенно с такой одеждой.

То, что Старик приказал Артуру надеть на себя, являлось довольно странным костюмом с некоторыми элементами брони. Это были комбинезон из толстой ткани с капюшоном, высокие сапоги и перчатки-краги с обрезанными пальцами. Поверх всего оказались наклеплены многочисленные металлические щитки, кожаные ремешки, застежки. Терпя щемящую боль в плече, он все-таки сумел натянуть на себя это чудовище, а Старик даже великодушно помог ему с застежками на спине. К своему глубочайшему удивлению, Артур обнаружил, что ему во всем этом вполне удобно. Мысленно отметил разницу в размерах костюма и размерах самого Старика. Либо тот усок раза эдак в полтора-два, либо костюмчик вовсе не с его плеча. В любом случае пусть и импровизированная, но все-таки настоящая броня на теле успокаивала.

– Зачем все это? – вновь начал говорить Артур, пока Старик застегивал ремешки. – Я не понимаю, я же однорукий, что с броней, что без нее – даже сдачи дать не смогу, – соврал он.

– А это и не нужно. Стой тут. – Старик с этими словами отошел, но через считанные секунды вернулся с автоматом Калашникова. – Им одного твоего вида хватит, чтобы понять, кто тут главный. Особенно с этой штукой. Так...

Он накинул на шею Артура ремень и помог ему положить руку на автомат.

– Особо не дергайся, и они ничего не заметят...

– А он стреляет? – поинтересовался Артур.

– Упаси меня Легба! Каждый патрон – семь шестьдесят два, да что там, каждая такая гильза стоит дороже твоей шкуры! Да и вообще, это муляж, иначе я бы его давно продал.

Артур повнимательней присмотрелся к «автомату» и понял, что тот собран из нескольких кусков древесины и жести, пары труб и различных кусков металла. Надо было отдать должное мастеру, он воссоздал практически каждую деталь, каждый винтик.

– Да я бы и не дал тебе настоящий. Ишь, чего удумал! – улыбнулся Старик. – Ладно, иди скорее, а то тебя уже ждут.

Артур сделал глубокий вдох и шагнул вперед.

– А, вот еще, – окликнул его Старик, – эти люди – грязь. Веди себя соответственно. Ни в коем случае... слышишь меня? Ни в коем случае не поворачивайся к ним спиной... и... черт, надень очки, там сейчас уже день.

Джек-Джек сидел на капоте «лягушки» и метал камушки в импровизированную мишень на пыльном полу ангара. Игра не задалась, но капот грузовика был теплым, и Джек-Джек довольно улыбался своей кошачьей улыбкой. Ему были приятны тепло и осознание того факта, что, разделившись с этой, по сути, непыльной работенкой, он вернется в город богатым человеком. Босс обещал приличный куш ему и ребятам, когда они возьмут станцию под контроль. Ходили слухи, что босс собирается отправить на станцию своего сына – то ли чтобы тот научился уму-разуму, то ли чтобы убрать его с глаз долой. У них странные отношения. В любом случае это было отличное место: свежая вода, энергия и протеиновый паек почти без ограничений – ну не золотая ли жила? Пару раз в дороге Джек-Джек задумывался, а не послать ли босса с его сыном и не прибрать ли станцию к своим рукам? Затем он вспоминал, *кто* его босс, и *что* он сделает с ним в этом случае. Ладно-ладно, работенка-то действительно непыльная – сейчас снизу поднимется Дедуля с обрезом или чем-то подобным, и пока он будет торговаться за несуществующие товары, его вырубят кто-нибудь из парней. Под пытками Дедуля выдаст коды доступа к станции – и работа сделана. На крайний случай кузов «лягушки» был набит под завязку самой крутой аппаратурой – начиная с радиопередатчика, способного заглушить любой сигнал в радиусе десятков километров (в случае, если кто-нибудь попытается послать сигнал о помощи), заканчивая инженерным скафандром первого поколения (на случай, если двери придется вскрывать с помощью грубой силы).

Но если все пойдет по плану, то еще денек-другой, и можно будет ехать в город... выпить пару рюмок, перекинуться в картишки, заскочить в «Золотые Холмы» к Ане и Лизе... Его мысли начали уходить в сторону, когда в глубине станции раздался долгожданный грохот древней машинерии. Движением руки Джек-Джек подал знак своим товарищам, скрывшимся по правую и левую сторону от прохода, ведущего к медленно отворяющейся гермодвери, и соскочил на землю. Размяв плечи и поясницу, он двинулся вперед. Кошачья улыбка на смуглом загорелом лице сменилась улыбкой тигра, подкрадывающегося к ничего не подозревающей добыче. Шаги были легкими, а правая рука как бы невзначай зацепилась за ремень брюк, поближе к револьверу под полкой куртки.

Сделав еще пару шагов, он остановился, вытаращив удивленные глаза на то, что показалось из проема гермодвери.

На него шел самый настоящий мусорщик, такой, про каких набожные мамы рассказывают истории на ночь своим непослушным детишкам. Ростом он был почти два метра, широк в плечах, а ремешки брони туго оплетали мускулистое тело. Сама броня не представляла собой ничего особенного, если не знать, кто обычно носит такие доспехи. На груди у мусорщика висел автомат. Один из тех, что стреляют патронами по семьдесят дхарм за штуку.

Улыбка исчезла с лица Джек-Джека лишь затем, чтобы появиться на нем вновь спустя сотые доли секунды. Лживая кошачья улыбка.

Пока одна гермодверь закрывалась за спиной, а другая готовилась открыться перед ним, у Артура нашлась минутка, чтобы собраться с мыслями. «Не так уж и страшно там, снаружи, – успокаивал он себя, – нет ничего такого, с чем бы я не справился. Все будет хорошо».

Чертов костюм уже начал натирать в нескольких местах, а пластины на спине тянули, будто за них что-то зацепилось, но посмотреть, так ли это, Артур, конечно, не мог.

Двери скрипели, издавали громкие и неприятные звуки, многократно усиливающиеся в маленьком шлюзовом помещении и оседающие на барабанных перепонках.

С каждой минутой страх таял, уступая место ледяной глыбе раздражения и злости.

Проклятый Старик, проклятая броня, проклятые торговцы...

Артур успел опустить защитные очки на глаза за секунды до того, как первый луч света коснулся его лица. Глаза, за долгие месяцы привыкшие к полумраку технических тоннелей, пока не были готовы к такому яркому свету.

Он глубоко вдохнул, медленно выдохнул и спокойной, уверенной походкой пошел вперед. Нельзя сказать, что это не потребовало от него нечеловеческих усилий воли.

Ангар – конструкция из стальных балок и листового железа – закрывал один из входов на станцию, которая, как и полагается, находилась большей своей частью под землей. Внутри ангара располагалась небольшая железобетонная конструкция, образующая короткий коридор, спускающийся под небольшим уклоном к гермодверям.

«На самом выходе, за углами, – подумалось Артуру, – просто идеальное место для засады».

Впереди он увидел странную грузовую машину, припаркованную в ангаре. Ее кабина внешним видом больше всего напоминала рассерженную зубастую лягушку. Артур остановился, не дойдя нескольких метров до места возможной засады, и перевел взгляд с машины на человека, идущего ему навстречу.

Человек этот был крепким на вид, пусть и слегка сухопарым. Большого роста, но не выше самого Артура. Особо судить о его одежде он не мог, просто не знал, как тут принято одеваться. Для него это были обычные кожаная куртка, сапоги, рубашка в клетку и брюки с наколенниками. Широкое загорелое лицо мужчины практически целиком заполняла невероятных размеров улыбка. Она вызывала у Артура самые неприятные чувства.

Мужчина остановился метрах в пяти от него и произнес с некими удивлением и долей наигранной уверенности в голосе:

– А где Дедуля?

– Я за него, – буркнул Артур и попытался наградить торговца самым презрительным взглядом, совершенно позабыв, что на нем зеркальные очки. – Что у вас?

– Эм... сэр... – Торговец слегка замялся, было видно, что он волнуется, но вдруг начал выдавать тираду, которую, видимо, заучил много лет назад: – Меня зовут Джек-Джек, и я имею счастье предложить вам лучшие товары от Января до Августа. Если вы изволите пройти со мной до...

Артур сделал полшага вперед и увидел, как этот Джек-Джек на долю секунды перевел взгляд в сторону, туда, где могла быть засада.

– Нет, – сказал Артур и поправил автомат. Губы торговца сомкнулись, продолжая держаться в гротескной улыбке, и он нервно сглотнул. – Вы сейчас скажете мне, что у вас, а я тем временем подумаю, в какую сторону повернется наш разговор, если вы понимаете, о чем я...

– Да, сэр, конечно, понимаю! – В глазах торговца ясно читалось, что нет, он не понимает. – У нас имеются...

Артур внимательно слушал, что говорит этот Джек-Джек, и продолжал следить за его глазами. Торговец явно нервничал, но это было понятно. Чем больше он говорил, тем больше уверялся в его честности Артур. Быть может, он просто на секунду отвел глаза? Может быть, там нет никакой засады? Позади, в шлюзе, стояли ящики с протеиновым пайком и запчастями, и Артуру просто не терпелось обменять все это на что-нибудь полезное. Возможно, он сможет выторговать себе столовые приборы, а если повезет, то кое-какие инструменты или даже лекарства, которые потом спрячет от Старика.

На секунду он, увлеченный своими мыслями, потерял фокус, а когда обрел его вновь, Джек-Джек молчал. Его улыбка была немного иной... более хищной... торговец смотрел чуть пониже подбородка Артура.

– Ты знаешь, приятель, я ведь могу снять эту штуку с твоей шеи, – предложил Джек-Джек совсем другим голосом. – Ты просто положи автомат на землю, и все будет отлично. Я снимаю ошейник, а ты даешь нам код к этим замечательным дверкам у тебя за спиной, так?

Сердце Артура дрогнуло.

– Сначала ты положишь свою пушку, – произнес он жестко, – а затем твои друзья выйдут из-за углов и сделают то же самое.

Улыбка Джек-Джека почти исчезла с лица, превратившись в некое подобие ухмылки. Он поднял бровь:

– По рукам. Ребята!

Через несколько секунд тишины и недоумения, а затем еще через несколько секунд возникли из-за углов коридора показались двое. Один – верзила, каких поискать, второй – просто здоровяк. Оба грязные и в обносках. Оба с оружием в руках.

Втроем, вместе с Джек-Джеком, они отступили к машине. Артур медленно двинулся вперед и, убедившись, что за углами никого больше не осталось, вышел из коридора.

Прежде чем начать снимать автомат с шеи, отодвинул его в сторону, позволив левой руке соскочить вниз. Острая боль пронзила плечо. Артур стиснул зубы.

– Что с рукой? – спросил Джек-Джек.

– Не твое дело, – рыкнул на него Артур, – без оружия, с одной рукой я все равно могу тебя прикончить, если что-то пойдет не так.

Джек-Джек измерил его взглядом:

– Охотно верю. Но поверь моему слову. Все будет хорошо, просто отлично. Ну что, начнем?

В этот момент откуда-то сверху раздался шипящий звук, а за ним – скрипучий голос Старика:

– Не так быстро!

Все четверо замерли. Все равно... Они, похоже, никуда уже не спешили...

– Артур, мальчик мой! Ты же не думал так легко забыть своего старого друга и уйти?

– Вообще-то... – начал Артур, пытаясь понять, как Старик следит за ним, через микрофон или через камеру.

– Заткнись! – Значит, через микрофон. – Давай-ка лучше повернись спиной к своим новым друзьям. Надеюсь, они рядом с тобой? – Нет, не через камеру. – Пусть они посмотрят на мой прощальный подарочек.

Артур бросил взгляд на Джек-Джека. Тот уже держал руку на револьвере, явно не с целью положить его на землю. Торговец, или кем он там был, легко кивнул, как бы говоря: «Давай, я не против».

Ошейник издал короткий писк, как бы говоря: «Давай быстрее».

Артур повернулся.

Несколько секунд стояла тишина.

– Что это, Джек-Джек? – нарушил тишину Здраваяк.

– Насколько я могу судить, – голос Джек-Джека был удивительно спокоен, – у него на спине бомба. Здоровенная бомба.

– Здоровенная бомба с радиозапалом, – поправил его Старик из громкоговорителей, расположенных под крышей ангара. – Если такая рванет, то от вас, да и от всего вокруг, ничего не останется. – Он замолчал ненадолго, как бы давая всем хорошо обдумать ситуацию. – Теперь, когда карты раскрыты, я советую вам, девочки, быстренько свалить куда подальше от моей станции и больше никогда не возвращаться. Машину и весь товар я настоятельно рекомендую оставить. С собой возьмите только горячий привет для мистера Шоу.

Артур будто бы наблюдал за всем происходящим со стороны. Стресс, который он сейчас испытывал, невозможно было описать словами. Кровь, пропитанная адреналином, пульсировала в висках и на шее, под тугим рабским ошейником. Глаза застилала пелена гнева.

Но Артур держал себя под контролем. Он знал, что от его действий сейчас ничего не зависит. Знал, что он может лишь усугубить ситуацию. Сколько себя помнил, его готовили к тому, чтобы он мог принимать взвешенные решения в стрессовой ситуации. Сейчас он решил ждать.

– Хорошо... хорошо... – медленно произнес Джек-Джек, его кошачьи, мягкие и слишком тихие для микрофона шаги удалялись к кабине грузовика. – Не надо горячиться, сэр! Вы ведь дадите нам пять минут, чтобы взять хоть что-то. До города не меньше сотни километров...

– У вас одна минута... а затем я... ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш... – прервался сигнал.

– Парень, только не шевелись! – крикнул Джек-Джек, выскакивая из кабины.

– Черт, черт, черт-черт-черт-черт! – У Здоровяка, похоже, начали сдавать нервы.

– Заткнись. – Артур почувствовал своим затылком напряженную улыбку. – Нож. Быстро!

Он услышал свое дыхание, затем биение сердца, затем вместе с сознанием к нему вернулась и боль, жгущая плечо, запястья, затылок. Воспоминания о том, что случилось после того, как он вышел за гермодверь, были весьма расплывчаты.

Он сидел на холодном полу. Его руки оказались неестественным образом задраны за голову и, похоже, как-то закреплены.

Артур еще немного посидел с закрытыми глазами, пытаясь успокоить боль. Когда она слегка поутихла, медленно открыл глаза. Находился он в кузове того самого грузовика, похожего на лягушку. Стены кузова состояли из металлических трубок, обтянутых чем-то вроде брезента. Его руки были прикованы простыми железными наручниками к пересечению железных трубок на стене кузова. Если бы не боль, он бы, наверное, легко высвободился, оторвав одну из трубок. Но сейчас эта задача казалась ему невыполнимой.

Брезент неплохо пропускал свет, и Артуру удалось осмотреться. Кузов был пуст, но характерные отметины на жестяном полу говорили о том, что совсем недавно «лягушка» перевозила весьма солидный груз. В том, что Джек-Джек со своими друзьями вовсе не были торговцами, Артур окончательно убедился, когда обратил внимание на два крестообразных следа на полу, ближе к кабине. Он прекрасно помнил, что такие следы оставляет инженерный скафандр первого поколения – огромный гидравлический экзоскелет, увеличивающий силу человеческого тела в сотню раз. Конечно, Артур мало знал об этом мире, но что он знал точно,

так это то, что человек, который умеет обращаться с подобным инженерным оборудованием и, более того, имеет его в своем распоряжении, никогда не посвятит свою жизнь такому простому занятию, как торговля. Понять, какой еще груз они перевозили, Артур не мог, но тяжелый запах химикатов, плотным облаком окутавший кузов, совсем не походил на тонкий аромат специй и пряностей, о которых так много говорил новый знакомый.

– Ну ты и соня! – улыбнулся Джек-Джек, поднимаясь в кузов. В руке он держал металлическую тарелку с горкой паштета и крекеров. – Тебя даже взрыв не разбудил!

Артур попытался что-то сказать, но вместо этого зашелся в приступе кашля. Джек-Джек подошел поближе и присел на корточки прямо у его ног.

– Будешь? – протянул он галету, и Артур почувствовал, что его пустой желудок сейчас вывернет наизнанку. Джек-Джек, видимо, понял это по выражению лица и, пожав плечами, отправил «лакомство» себе в рот.

– Так вы не торговцы... – Артур констатировал очевидное.

– А ты умный парень, соображаешь! – похвалил его Джек-Джек. – Мы, видишь ли, наемники. Еще немного грабители и работоторговцы...

– Так вы собираетесь... – Артур начал было задавать вопрос, но Джек-Джек резко перебил его, сменив тему:

– Эх... жаль, что ты не пришел в себя раньше...

– Я все равно не знаю кода к гермодверям, – солгал Артур, понимая, куда клонит улыбчивый парень.

– Ладно, это уже неважно. Мы вскрыли дверь дедовской взрывчаткой. Вот ведь ирония!

– Что с ним? – Артур сам удивился своему вопросу.

Джек-Джек лишь покачал головой в ответ:

– Ему не стоило открывать пальбу. Решили бы все как джентльмены.

Артур вдруг ощутил прилив ярости. Он никогда не любил Старика, тот использовал его, угрожал ему расправой и несколько раз даже хотел взорвать. Но сейчас это было неважно. Артур прожил месяцы бок о бок с ним. Старик его выходил, накормил, дал приют. Какой бы сволочью Старик ни был, он такого не заслуживал. Артур сделал глубокий вдох. Адреналин почти полностью избавил его от боли, и сейчас он уже мог бы попытаться сбежать, но разум подсказывал, что сначала нужно вытащить из наемника всю возможную информацию.

– Что вы собираетесь со мной делать?

– Это зависит от того, умеешь ли ты обращаться со станцией. – Джек-Джек, улыбаясь, смотрел ему прямо в глаза, надеясь прочитать в них ответ. – Если Старик научил тебя, то твоя шкура стоит больших денег, если нет, то... ну, мы все равно пока не будем тебя убивать. Ты крепкий парень, кое-что за тебя могут дать на февральском рынке.

– Значит, рабство?

– Ну, я бы не говорил так грубо. – Улыбка работоторговца стала еще шире. – Скорее, работа, от которой нельзя отказаться. Не переживай, кормежка и место для ночлега тебе обеспечены. Знаешь, многие свободные люди тебе позавидуют.

– А ты не думал, что я могу сбежать? – совершенно серьезно спросил Артур.

– Да, конечно, – усмехнулся Джек-Джек. – Ты даже этот примитивный ошейник снять не смог. Хотел бы я посмотреть, как ты станешь удалять имплантат из своего сердца.

– Джек-Джек, ты меня не понял, – сохраняя серьезность, продолжил Артур, – что, если я сбегу *прямо сейчас*?

Джек-Джек издал короткий смешок.

– Как ты себе это представляешь? Тут же с два десятка моих людей, вокруг на сотню километров одна пустыня, а машину тебе не угнать – она древняя. Да и как ты выберешься из наручников? Ты же чертов калека! Даже если попытаешься отломать трубу, то я или кто-нибудь из моих ребят выьем из тебя все дерьмо.

– Я отвечу на твой вопрос, – заговорил Артур, – я умею обращаться со станцией, но это не Старик меня научил. Я умею обращаться с *любым* инженерным, как ты сказал, древним оборудованием. – Глаза работарговца загорелись. «Джекпот!» – говорили они. – За весь наш разговор я не слышал ни одного другого голоса. Думаю, твои люди сейчас все до единого вниз, грабят станцию. Ты тут один, – алчность в глазах Джек-Джека сменилась страхом, – и помнишь, я говорил, что могу тебя прикончить без оружия, одной рукой? Я солгал... мне вообще не понадобятся руки.

Когда тарелка с паштетом и крекерами со звоном ударилась о пол грузовика, Джек-Джек был уже на полпути к тому, чтобы вскочить на ноги и выхватить револьвер из кобуры.

В этот момент его настиг мощный удар окованного сапога прямо под колено. Артуру пришлось изо всех сил схватиться правой рукой за одну из труб и перенести почти весь свой вес на нее, чтобы сделать этот удар. Приложенного усилия хватило на то, чтобы сбить Джек-Джека с ног. Но падение противника закончилось не так, как тот мог ожидать. Артур обхватил шею Джек-Джека своими ногами и прижал врага к полу.

Джек-Джек издал несколько нечленораздельных звуков и начал дико изворачиваться, пытаясь высвободиться из захвата. Артур сильнее сжал ноги, надеясь, что нехватка воздуха вскоре успокоит работарговца. Но пока не удавалось даже стереть чертову ухмылку с его лица.

Джек-Джек все не хотел униматься. Он рвал свою кожу на шее и руках о металлические пластины на ногах Артура, дергался из стороны в сторону, пытаясь выскользнуть. Сквозь пелену ярости Артур сумел отметить, что обычный человек отключился бы уже несколько секунд назад, а Джек-Джек, похоже, вообще никак не реагировал на удушье. В какой-то момент Артур почувствовал, что сопротивление ослабевает. Он было обрадовался, но затем увидел, что Джек-Джек перестал дергаться не потому, что ослабел. Похоже, он понял, что вырваться у него не получится. Окровавленной рукой дотянулся до своего револьвера, валявшегося все это время на полу, взвел курок и через плечо направил ствол на Артура.

Раздался выстрел. Артур не почувствовал, ранен он или нет, – адреналин блокировал все ощущения, но дать Джек-Джеку шанс сделать еще один выстрел он не мог.

– Прости, – произнес Артур, ломая ему шею.

Глава 2

«Лягушка» спокойно катила километр за километром по сухой земле. Станция осталась далеко позади и уже растаяла в жарком мареве пустоши, но память о совершенном поступке жгла сердце Артура даже сильнее, чем яркие лучи жгли капот грузовика. Он отцепил кузов, оставив тело Джек-Джека лежать в нем. Наверняка того найдут его люди и, может быть, похоронят достойно. Артур знал, что Джек-Джек был плохим человеком и заслуживал наказания, но вот так заканчивать его жизнь не хотел.

Пытаясь отвлечься от угрызений совести, Артур еще раз проверил приборную панель. Счетчик энергии был почти на нуле. Джек-Джек не шутил, когда говорил, что машина древняя. Не вся – большую часть из подручных материалов собрали местные умельцы-технари, но двигатель с приборной панелью были древними. Раньше они являлись частью стационарного бура. Артур мысленно удивился себе, вернее, тому, как быстро он усвоил местную терминологию, как стал без всякого сарказма называть самое обычное современное оборудование «древним». Он был хорошо знаком с этой моделью бура и без труда не только запустил двигатель, но и оптимизировал его работу. Отъехав от станции на почтительное расстояние, около десяти минут повозился с приборной панелью, чтобы снизить потребление энергии. Инструменты, которые хотел использовать для побега, все это время находились с ним и оказались как нельзя более кстати.

Двигатель должен был питаться от трех аккумуляторных батарей высокой мощности, но две из них, как догадался Артур, сняли, чтобы запустить инженерный скафандр. Теперь двигатель попросту опустошал оставшуюся батарею. По прикидкам Артура, ее должно было хватить минут на двадцать, а остальное придется пройти пешком. Благо дело, ориентир был на виду. От станции в сторону свалки вела большая бетонная труба, наполовину погруженная в серую, растрескавшуюся почву. Изначально такие трубы предназначались для ирригации, но воды оказалось недостаточно, и их приспособили для прокладки линии электропередач. В трубах проводам были не страшны ни погодные условия, ни иные факторы.

Примерно настолько же защищенным чувствовал себя и Артур в кабине «лягушки» и в прочной стальной броне. В ее прочности, к слову сказать, он убедился лично, когда выковыривал из погнувшейся пластины пулю тридцать восьмого калибра – прощальный подарок от Джек-Джека. Пусть и неудобная, но броня уже спасла ему жизнь, так что снимать ее в ближайшее время он не собирался.

В отдалении на его пути показалась какая-то преграда. Что-то наподобие большой коробки, стоящей прямо посреди пустыни. Сбавив скорость, Артур свернул в сторону, чтобы объехать этот странный объект. По мере приближения он начал одну за другой различать отдельные детали, потом наконец-то понял, что перед ним самая обычная крытая повозка. Сама повозка находилась в неплохом состоянии, чего нельзя было сказать о дохлой кобыле, лежащей прямо перед ней.

Артур предположил, что повозка эта принадлежала настоящим торговцам, которые ехали на ней в сторону станции, но их тяговая сила неожиданно подохла. Видимо, до свалки было не так уж и далеко, и они попросту вернулись назад.

Артур повернул рычажок управления, прибавляя скорости, и в этот момент мотор встал. Энергии в батарее оставалось еще много, но вот чтобы крутить вал, ее уже не хватало.

Он еле сдержался, чтобы не выругаться.

Выключил приборы, взял с пассажирского сиденья револьвер Джек-Джека и вышел наружу. Что-то внутри подсказывало, что от брошенной повозки стоит держаться подальше, но голос разума твердил, что торговцы не могли забрать с собой все товары и припасы, в которых он так нуждался. Да и конина сейчас представлялась ему весьма аппетитным лакомством.

Приблизившись на расстояние пятнадцати метров, мужчина понял, что его первоначальные предположения были неверны. Сама повозка и земля вокруг нее оказались покрыты пятнами крови.

Идти вперед совсем не хотелось. Но оставлять за спиной это допотопное транспортное средство, не проверив его, хотелось еще меньше. Покрепче ухватив рукоять револьвера и аккуратно взведя боёк, Артур двинулся вперед.

Повсюду виднелись следы борьбы, к повозке и от нее вело множество следов. С каждым шагом усиливались запах гниющей плоти и беспокойство.

Держа пистолет наготове, он обошел повозку и заглянул внутрь. На полу валялись несколько разбитых ящиков и чьи-то останки. Под телегой Артур увидел то, что когда-то могло быть человеком, но сейчас у этого «чего-то» до человека не доставало слишком многих деталей. Артур не испытывал особого отвращения ни к мертвецам, ни к их... частям. Да и к тому же кровь оказалась несвежей. Кто бы это ни сотворил, его тут уже, скорее всего, не было. Немного успокоившись и уверившись, что в повозке явно не обнаружит ничего живого, он подошел и убрал револьвер за пояс.

Три трупа. Какая-то часть сознания Артура не верила до конца в рассказы Старика о каннибалах, но сейчас этим словам нашлось прямое подтверждение. Два трупа, пусть и прилично подъеденные, были более или менее нормальными. Под повозкой, вероятно, пряталась женщина – на теле оставались куски яркой ткани, когда-то бывшей платьем. В руке женщина держала опасного вида нож с узким длинным лезвием, который ей так и не помог. Мужчина в повозке до сих пор сжимал в руках сломанное двустольное ружье. В отличие от ножа, оно, похоже, все-таки принесло пользу – третий труп принадлежал одному из нападавших. Артур сразу понял это по кускам шерсти на бугристой коже и клыкам в огромной звериной пасти. Существо явно имело сходство с человеком, но человеком не являлось. Подобно мужчине с женщиной, тварь оказалась прилично пожрана. Было ясно, что неизвестные существа не гнушаются собратьями.

Артур на секунду задумался, а затем бросил взгляд на лошадь.

– Странно, – произнес он.

Лошадь была цела.

Артур подошел поближе. На красивой иссиня-черной шкуре виднелись отметки от когтей и зубов, но никаких серьезных повреждений мужчина не нашел.

Он отошел обратно к повозке и вскоре вернулся с ножом.

Первыми его находками стали несколько клыков и когтей, застрявших под кожей. Когда же он попытался воткнуть нож глубже в рану, тот со звоном уперся во что-то металлическое.

Звезда, которую Артур до сих пор не привык называть Солнцем, скрылась за горизонтом. Кончился жаркий день, но ночь не спешила простирать свою длань над пустошью. На смену дню настоящему пришел день искусственный. Станция «Гелиос» – огромное орбитальное зеркало – отражала и рассеивала свет, насколько это было возможно, приближая суточный цикл планеты к двадцатичетырехчасовому. Свет был не таким интенсивным, как лучи местного светила, и вокруг царили затянувшиеся сумерки.

Прежде чем продолжить изыскания, Артур предал огню повозку и тела погибших, даже тело твари. «Сейчас это не так заметно, как ночью, – подумал он, – потому и не привлечет лишнего внимания». Запалить повозку помогли спички и какой-то напиток, дико отдающий запахом спирта, которые вместе с трубкой и кисетом, полным табака, были спрятаны под сиденьем возницы. Все более-менее ценные вещи Артур свалил в кучу недалеко от погребального костра. Среди них обнаружили кое-какие чудом уцелевшие припасы, немного воды, погнутое ружье с остатками амуниции и седло со сбруей. Особой находкой стала сумка с предметами рукоделия – нитками, иголками и спицами. Не то чтобы Артур увлекался рукоделием, но опыт подсказывал, что иголка с ниткой могут пригодиться, если вдруг придется себя зашивать.

К тому моменту, как повозка уже практически прогорела дотла, он снял с лошади приличный кусок шкуры и открыл внешний кожух ее обшивки. Мешочек с инструментами оказался как нельзя более кстати.

Животное было искусственным. Скелет состоял из металлических и полимерных деталей, мышцы воссоздали из неизвестного Артуру волокна, как, впрочем, и внутренние органы. Машина идеально имитировала живое существо. Вполне могло случиться, что владельцы и не догадывались о том, что из себя представляет их тяговая скотина.

С задней стороны внешней обшивки лазером была аккуратно выгравирована надпись:

*«Проект «Рекреация»,
Д-р Н. Зиммер,
Модель 8: «Бэтси».*

Ниже был выгравирован двухмерный матричный штрих-код.

Артур нахмурился. Он не слышал ни о докторе Зиммере, ни о проекте «Рекреация».

Потратив еще час, сумел понять кое-что о строении этого сложного механизма. И хотя сам принцип его работы остался загадкой, Артур нашел причину неполадки. Машина имитировала жизнедеятельность на все сто процентов – энергию для работы она получала из биореактора, в котором переваривала съеденную пищу. Судя по пустому мешочку «желудка», «лошадь» умерла от голода.

Но «умерла» было слишком сильным словом. Артур проследил схемы электропитания, и они привели его к резервным батареям. Вот и поломка. Мужчина обнаружил сплюснутый кусочек свинца, перебивший провода – вероятно, шальная пуля, предназначавшаяся наезднику, попала в лошадь. Поломка оказалась старой. Она случилась, быть может, два года назад. С тех пор «животное» должно было питаться с постоянной регулярностью. Артуру представилось, что погибшие путешественники приобрели лошадь совсем недавно и попросту не знали об этой ее особенности. Один-единственный раз они решили сэкономить на ее рационе и застряли в пустоши, превратившись в идеальную мишень для звероподобных существ.

Проводов в его мешочке было недостаточно, и Артур сходил к машине, чтобы вытащить часть проводки и батарею. Еще какое-то время ушло на починку и зарядку батарей лошади.

Если сейчас все пойдет успешно, у Артура появится транспорт. Если нет – окажется, что он только что потратил три часа и окончательно обесточил машину. Но перспектива идти без транспорта по пустыне, где водились подобные твари, его не прельщала.

Артур замкнул провода и пустил ток в системы лошади. Послышался нарастающий гул. Звук становился громче и ниже, при этом постепенно делаясь размеренным и ритмичным. Мужчина не сразу узнал биение сердца.

Лошадь задергалась в конвульсиях, заставив Артура отскочить в сторону.

Дернувшись еще пару раз, животное повела головой и начала аккуратно подниматься на ноги. Из ее бока все еще торчали провода, идущие к батарее, а кусок шкуры свисал вниз. Лошадь вначале посмотрела на провода, а затем на Артура. В ее огромных карих глазах читался немой вопрос.

– Привет, – неуверенно произнес он. – Меня зовут Артур. Ты меня понимаешь?

Он чувствовал себя глупо, говоря с лошастью.

Лошадь же не говорила, сохраняя в данной ситуации хоть какую-то нормальность.

– Ты ведь не против, если я подойду? – Человек сделал шаг вперед, и машина всем своим видом дала понять, что она против. Искусственные мышцы напряглись, лошадь подалась назад.

– Я просто отключу эти провода и закрою твой кожух, хорошо? – Надежды на то, что создатели оставили хоть какой-то голосовой интерфейс, а не сделали *точную* копию живой лошади, стремительно таяли. – Бэтси?

Лошадь при звуке собственного имени как будто ударило током.

– Доктор Николай Зиммер, – скрипучим мужским голосом проговорила она. – День сто семнадцать, двенадцатое пробуждение, опытный образец номер восемь. Данная модель представляет кибернетическую имитацию живого организма. Пока еще это не то, чего мы хотели достичь, но уже довольно близко. Искусственные органы проявляют себя многообещающе, однако цикл питания оставляет желать лучшего. Данный образец оснащен нециклическим модулем памяти без блокировки матрицы и будет использоваться как экспериментальная модель накопления опыта и развития интеллекта. Модель имеет простой односторонний голосовой интерфейс и распознает любые голосовые команды, начинающиеся на «Бэтси, дорогуша» и заканчивающиеся на «пожалуйста». Конец записи.

– Бэтси, дорогуша, – произнес Артур, – стой смирно, пожалуйста.

...Первая встреча с боссом навсегда оставила отпечаток в памяти Джек-Джека. Иезекииль Шоу. Он представлял себе этого могущественного человека соответствующим своему статусу – высоким, сильным и при этом ловким и быстрым, не хуже, чем сам Джек-Джек, а то и в разы лучше его. Именно таким должен был быть управитель города Февраль. Но когда Джек-Джек переступил порог кабинета, отделанного деревом, и ступил на шикарный июньский ковер, под которым благородно заскрипели половицы, он увидел совсем не то, чего ожидал.

За большим столом, заваленным бумагами, сидел среднего роста и телосложения мужичонка, иначе и не скажешь. Темно-коричневая жилетка, часы на цепочке, узелок тонкого галстука не затянут, а рукава белой рубашки закатаны до локтей. Блестящую лысину обрамлял полукруг седых волос, на длинном крючковатом носу висели очки в тонкой оправе, под носом же расположились аккуратные усы. За спиной этого человека находилось огромное смотровое окно. Кабинет располагался почти на самом верхнем этаже станции, и панорама города производила куда большее впечатление, чем хозяин кабинета и, собственно, самого города.

Это просто не мог быть он.

– Я бы хотел поговорить с мистером Шоу... – произнес Джек-Джек, изо всех сил сжимая в руках шапку, а затем добавил: – Сэр.

Мужичонка на секунду поднял глаза на Джек-Джека, и от его взгляда ткань шапки вдруг начала трещать.

– Если ты еще раз заговоришь без моего разрешения, – сказал мужчина самым обычным, даже слишком обычным голосом, – тебе отрежут язык.

Джек-Джек молчал. Если быть точным, он не дышал. Шоу, а это, без всякого сомнения, был именно он, взял листок бумаги, внимательно изучил его и, скомкав, отправил куда-то под стол.

– Хорошо, – произнес буднично и снова взглянул на визитера. – Почему ты улыбаешься? Джек-Джек замялся.

– Можешь ответить, – кивнул Шоу.

– Я рад тому, что вы пригласили меня на эту беседу, – соврал Джек-Джек, стараясь хоть как-то успокоить нервный импульс, сводящий скулы. Он сам редко обращал внимание на эту деталь собственной мимики. Улыбка была с ним, сколько он себя помнил. Джек-Джек постоянно улыбался, говорили, что даже во сне.

– Откуда ты родом, мальчик мой? – В голосе Шоу зазвучала доброжелательная нотка. И хоть Джек-Джека сильно вывело из себя такое фамильярное обращение, он не подал виду.

– Июнь, сэр, Город Мастеров, не окрестности, – вновь соврал Джек-Джек, после чего добавил для достоверности: – И я не могу не отметить прекрасное качество вашего ковра.

Жизнь Джек-Джека началась около шести лет назад, когда племя индейцев нашло его в пустыне почти мертвым. По словам шамана, он пролежал без чувств еще около месяца, а когда проснулся, его тело полностью излечилось от ранений, а разум – от воспоминаний. Индейцы

сделали его своим братом, обучили навыкам выживания и охоты и в конце концов дали ему имя, которое Джек-Джек предусмотрительно сменил, покидая «родную» деревню.

– Что ты умеешь? – продолжил допрос Шоу.

На этот раз Джек-Джек почувствовал, что ему стоит отвечать честно.

– Я мастер на все руки. Могу собрать ружье из подручных материалов, а затем попасть из него крысе в глаз с сотни метров. Кроме того, я один из лучших воров в этом городе, да и в четырех ближайших тоже, – я умею двигаться без шума, а мои пальцы настолько ловкие, что вы не заметите, как я сниму с вас очки. Как могли обратить внимание, у меня хорошо подвешен язык. Могу уговорить мусорщика уйти в монастырь или же монашку стать мусорщиком.

– Что-то еще?

– Я отлично готовлю.

Со времени того разговора прошло уже три года. Джек-Джек работал на Шоу. Поначалу не напрямую. В его задачи входило выполнять поручения различных доверенных лиц босса. Среди них были и шериф, и судья, и преподобный. К слову сказать, делишки их совсем не соответствовали статусу. Но все, что было поручено этому улыбочивому парню, выполнялось быстро и качественно. Такие понятия, как мораль или частная собственность, его не сильно беспокоили. Вскоре Шоу понял, что не стоит разбрасываться таким ценным талантом, как Джек-Джек, и назначил того своим личным помощником, а затем поставил во главе охраны.

Можно сказать, что Джек-Джек сделал стремительную карьеру.

Но был ли он доволен жизнью? По его улыбочивому лицу и карманам, набитым наличностью, можно было подумать, что да – он доволен. Но также, как почти все, связанное с Джек-Джеком, это было неправдой. Его душу терзало странное чувство, поселившееся в ней с того самого дня, когда Джек-Джек проснулся под навесом из лошадиной кожи.

«Кто я?» – спросил он в тот день.

«Wawa ch'in pacha, – ответил человек, в морщинах которого проступало лицо, полное мудрости. – Ты Дитя Пустоши». Одежда его была покрыта перьями так густо, что создавалось впечатление, будто и не человек это вовсе, а дивного вида птица.

Пейотль струился по венам Дитя Пустоши, пронизывал его тело. Попадая в горячее сердце, дурман начинал испаряться, этот удушливый пар проникал в его разум, чтобы затем каплями холодного конденсата осесть на поверхности души.

«Вспомни свое имя!» – говорил ему человек, теряя очертания в клубах сизого дыма, но Дитя Пустоши не мог вспомнить, ведь имя у него отняли.

Капли пейотля становились все больше и больше, повинувшись силе тяжести, летели вверх, затем, подхваченные вихрем искусственных воспоминаний, сталкивались друг с другом и взрывались фейерверком разноцветных искр.

«Вспомни тепло рук своей матери, голос своего отца», – говорила ему мудрая птица, чей образ теперь четко прорезался сквозь сизую дымку, но Дитя Пустоши не мог вспомнить, ведь у него никогда не было матери, а отец не был ему отцом.

Чужие, ненастоящие воспоминания в его голове становились сильнее. Они шипели и извивались, подобно змее, и змея эта имела острые, длинные клыки, которыми хотела впиться в разум.

«Что ты помнишь?» – спросила его мудрая птица, и Дитя Пустоши ответил:

«Я помню бесконечность и тьму. Помню холод металла и тепло человеческого прикосновения. Помню, как впервые увидел свет, как заговорил, как изменил данное мне имя по своей воле. Помню, как был человеком среди Теней, но затем стал Тенью среди людей. Я помню женщину без лица и поглотивший ее огонь. Помню пламя битвы, поглотившее много жизней и новую цель...»

Дитя Пустоши закричал, когда Лживая Змея впиалась в этот последний кусочек его воспоминаний. Она не могла допустить, чтобы Дитя Пустоши проснулся самим собой. Лживая Змея уже успела сожрать остальную его память. Сейчас она переваривала ее, превращая в свой яд.

Дитя Пустоши закричал вновь, когда Змея стремительным рывком бросилась на него, чтобы заразить своей ложью.

«Нет!» – прокричала мудрая птица и взмахнула своими крыльями.

Могучий поток ветра врезался в тело Змеи и обрушил ее на землю.

«Тебе будет дано имя... – Взмах крыльев. – Матерью твоей будет пустошь... – Еще один взмах. – А отцом твоим будет небо... – Снова взмах крыльев. – А память твоя будет будущим. Ты обретешь ее сам, и никто не сможет отобрать ее у тебя, ведь она будет истинной».

И с последним взмахом крыльев мудрая птица опустилась к Лживой Змее. Одним ударом клюва она отсекла Змее голову, и та обратилась ядом. Но мать-земля не приняла этот яд, а отец-небо испепелил его лучами двух солнц.

...Дитя Пустоши открыл глаза.

– Джек-Джек? – Голос был громогласным и доносился будто бы из центра мира, который сейчас сжался до размеров головы. Но принадлежал голос вовсе не какому-то мифическому существу, а весьма прозаичному Здоровяку Винни. – Док, скорее сюда! Джек-Джек открыл глаза! – закричал он.

Стоило только проморгаться и немного подышать, как мир начал обретать очертания. Крыша ангара, красная рожа Здоровяка Винни и пронзительная боль в шее – вот и все, что пока существовало в этом мире. Постепенно начали проявляться детали. Сквозь крышу ангара пробивался тусклый красноватый свет второго солнца, а значит, уже наступил вечер, на лице Здоровяка читалась несвойственная ему озабоченность, а боль... оставалась все такой же пронзительной.

– Как ты, босс? – спросил Винни, затем, не дожидаясь ответа, крикнул куда-то в сторону: – Док, твою мать, тащи свою задницу сюда, или тебе придется лечить свой сломанный череп!

– Бывало и хуже. – Сейчас Джек-Джек старался соврать в первую очередь самому себе. Боль в шее оказалась невыносимой. Тело было будто ватным, пальцы хоть и слушались, но с большим трудом.

– Изрядно он тебя потрепал, босс, – улыбнулся Здоровяк, и Джек-Джек против своей воли улыбнулся ему в ответ.

В мире появился еще кое-кто. Это оказался вытянутый как жердь и сухой как вяленая конина доктор Ипокте. Врач из него был никудышный, но найти кого-то лучше за такие деньги Джек-Джек не смог.

– О духи, – хрипел Джек-Джек, – держите этого коновала подальше от меня! Со мной все хорошо, просто отлично.

Он сам не знал, говорит серьезно или шутит.

– Не нервничай, – сухо сказал Док, зачем-то осматривая его глаза. – Я тебе тут жизнь спасаю...

– Что со мной случилось? – задал вопрос Джек-Джек, одновременно пытаясь вспомнить ответ на него.

– Тот мусорщик сбежал, – сказал Док. – Придушил тебя и вывихнул шею. Он сильный как бык. Я таких травм вообще никогда не видел. Мы поначалу думали, что ты не жилец.

– Сколько я пролежал в отключке? – Довольно быстро боль в шее стихла.

– Почти весь день, – буркнул Винни.

– Проклятье, – выругался Джек-Джек, – как обстоят дела на станции?

После того как Винни с Доком в двух словах описали обстановку, а Джек-Джек собрался с мыслями, он дал ряд указаний, что и кому нужно будет делать. Какое-то время ему, видимо, предстояло пролежать в постели, но это не значило, что то же самое должны были делать его люди. Работа есть работа.

– А что по поводу того мусорщика и «лягушки»? – спросил Винни.

– Он не мусорщик, просто клоун. Здоровенный, везучий как черт клоун, – буркнул Джек-Джек, – пусть валит на все четыре стороны. Машина все равно далеко не уедет. Будем надеяться, что он подохнет в пустоши без еды и воды. Если нет, то я рано или поздно найду его и выпущу ему кишки. Ну что вы встали?! Идите работать!

В дверь постучали. Секунду стояла тишина, затем стук повторился, он был настойчивее, чем в первый раз. Вслед за этим стуком из другого конца помещения долетели приглушенные, но от того не менее грязные ругательства.

Гайка откинула шерстяное одеяло. Меньше всего на свете ей сейчас хотелось вставать с кровати.

– Кого еще принесло, к чертям собачьим? – заворчала она, натягивая халат и снимая с полки отцовский помповик. – В такой-то час! Какому идиоту не спится?

Стук послышался вновь, но на этот раз он был заглушен раскатами грома. В ту же секунду дождь забарабанил по крыше мастерской. Гайка дернула рубильник, и под потолком загорелась одинокая лампочка.

– Иду, иду! – крикнула она.

Ну не оставлять же человека на улице под ливнем?

Подойдя к тяжелой металлической двери, открыла маленькое окошко. Твари и рейдеры обычно не стучатся, но проверить все равно не помешает.

За дверью различались два силуэта, застывших в потоках дождя. Один, побольше, оказался лошадиным, и Гайка не обратила на него никакого внимания, второй же принадлежал мужчине. Он, конечно, был меньше лошади, но при этом оставался таким огромным, что ни с кем, кроме как с конем, сравнить его не получалось. В темноте, царившей на улице, ничего более разглядеть не удалось.

– Кто там? – выдала Гайка дежурное.

– Меня зовут Артур... мэм... э-э... мисс... – Голос у незнакомца звучал молодо и довольно приятно. – Вы не могли бы пустить меня внутрь, тут дождь...

– Я не слепая, – оборвала его Гайка на полуслове, – что нужно?

– Это свалка Герхарда Гайко, верно?

– Мастерская, – поправила Гайка.

– У меня тут кое-какие товары и куча вопросов, но я обещаю не доставлять вам беспокойства, – заверил мужчина, и его лошадь одобрительно заржала.

– Ладно. Только учти: у меня тут десятый калибр, и я просто обожаю отстреливать говнюков, которые нарушают обещания! – С этими грозными словами Гайка получше перехватила тяжелое ружье и начала было открывать засов.

Сверкнула молния, и ее свет очертил в темноте широкие плечи незнакомца, отразился от металлических пластин на его броне. Гайка вздрогнула. Такой доспех она видела лишь однажды.

– Папа? – сказала она, и это ее слово утонуло в раскате грома, так и оставшись неслышанным.

Незнакомец сделал шаг вперед. Свет из маленького окошка упал на его лицо, и Гайка поняла, что перед ней вовсе не отец. Она вновь перехватила ружье покрепче и открыла дверь.

– Постой тут, – сказала решительно, – сильнее уже все равно не промокнуешь. Я сейчас открою ворота и заведу твою лошадку в стойло.

– Хорошо, – просто отозвался незнакомец.

В стойле сейчас находилось всего две лошади. И обе по сравнению с черной кобылой этого Артура выглядели просто жалкими клячами. Гайка хорошо ухаживала за Роуз и Марией, но они уже были немолоды, да и всю жизнь перетаскивали тяжелые куски металла. Эта же лошадка оказалась красивой, молодой, сильной. Ее черная шкура просто светилась здоровьем. Если не считать одного «но»... Снимая седло, Гайка увидела огромный уродливый шрам, который шел от холки к животу, чтобы затем опять подняться к крупу. Шрам был грубо заштопан разноцветными нитками, но, судя по виду, уже хорошо зажил без каких-либо последствий. Складывалось впечатление, что кто-то хотел заживо освежевать бедную животинку.

Гайка выкинула эти мысли из головы – мало ли что может случиться в пустоши, наверное, лошадь просто напоролась на что-то острое. Привязав животное к коновязи, девушка пошла обратно, к этому Артуру, который до сих пор стоял под дождем.

– Я думал, что тут вообще не бывает дождя, – сказал мужчина, когда она проходила мимо.

– А я смотрю, ты не местный, – заключила Гайка.

– Еще как! – улыбнулся Артур.

– Я, кстати, Анна Гайко, – представилась девушка, – можно называть просто Гайка.

Насчет товаров ночной гость слегка преувеличил. Кроме погнутого ружья, из которого мог выйти приличный обрез, и набора амуниции к нему, Артуру в общем-то нечего было предложить. Они сошлись на том, что он просто отдаст ей все это за постой, провизию и карту близлежащей местности. А вот что касается вопросов – с этим все оказалось в точности так, как он сказал. Их набралась целая куча. Но Гайка не торопилась отвечать. В конце концов, она должна была понять, с кем имеет дело.

– Что у тебя за история? – спросила Гайка, когда чайник вскипел, а Артур вернулся из ванной комнаты.

Он почти полностью состриг свою бороду, а отсутствие грязи на лице сделало его весьма симпатичным. Одет он сейчас был в старый комбинезон ее отца, который подходил ему почти идеально. Броню Артура Гайка согласилась подлатать и подогнать под него, взамен на кое-какую помощь по хозяйству. В мастерской со смерти отца очень сильно не хватало мужской руки, а большинство заезжих мужчин – будь то торговцы или искатели древностей – предлагали ей всякий раз кое-что другое... Гайка знала, что калечить клиентов – плохо для бизнеса, но каждый раз, когда кто-то из них хватал ее за задницу, она на автомате хваталась за тяжеленный разводной ключ. Вот и сейчас ключ был под рукой. И хотя парень показался ей вполне приличным, рисковать Гайка все равно не хотела.

К тому времени как гость вернулся, Анна успела переодеться, прибраться и даже накрыть на стол. Чай был разлит по кружкам, и перед Артуром стояла горка домашнего печенья.

– Я неплохо разбираюсь в древних технологиях, – начал рассказывать новый знакомый, – путешествую в поисках одной станции.

– Серьезное начало, – кивнула Гайка. Несмотря на столь необычное заявление, она почувствовала, что словам этого Артура можно верить.

– У меня было с собой много древнего оборудования, серьезный такой набор, – продолжил гость, – но я немного заблудился, и пришлось просить помощи по радио. Вскоре со мной связался человек, представился Блэком, сказал, что путешественник и может мне помочь. Мы поговорили и назначили место встречи. Не буду вдаваться в подробности, но когда я пришел туда, попал в засаду. Меня ранили, забрали все оборудование, и я оказался в рабстве.

Слушая рассказ Артура о его жизни на станции и последующем побеге, Гайка не без интереса разглядывала мужчину. Он был довольно молод, примерно ее возраста, может быть, чуть старше. Глаза серые, волосы черные, с солидной проседью. Без косматой бороды, с которой он появился на ее пороге, лицо Артура оказалось очень даже красивым. Правильные, можно

сказать, аккуратные черты, широкий разрез глаз, некрупный нос. Гайка предположила, что он выходец из Осенней кварты, жителям трех городов которой были свойственны такие черты.

– Вот так я и оказался тут, – подытожил рассказ Артур.

Гайка понимала, что очень многое осталось недосказанным, но сейчас ее интересовали другие вопросы.

– Где ты оставил машину? – спросила она.

– Дальше по трубе, с дюжину километров отсюда, – сказал он, отправляя в рот очередное, наверное, десятое по счету печенье. – Черт, вкусно!

– Спасибо, – поблагодарила его за комплимент Анна, радуясь тому, что «лягушка», которую Джек-Джек купил у нее пару дней назад, вернется домой. Отец много усилий вложил в эту машину, но чтобы когда-нибудь перебраться в город и открыть там свое дело, нужно было очень много денег, и «лягушку» пришлось продать. Решив, что стоит ответить Артуру добром на добро, она произнесла: – Ты знаешь, я сейчас вспоминаю, где-то полгода назад сюда заезжал человек по имени Блэк.

– Как он выглядел? – быстро спросил Артур.

– Невысокий, худой. В черном балахоне – я сначала подумала, что какой-то монах, потом услышала его голос. Голос у него был совсем не как у монаха – скрипучий такой, страшный. В целом я его и не разглядела вовсе, только вот помню странные такие перчатки и сапоги.

– Серые, с оранжевыми полосками? – перебил ее Артур.

– Да, да, точно. Твои? – угадала Гайка.

Артур кивнул.

– Куда он направился?

– Хм... – задумалась Анна, – он говорил что-то о каком-то старом друге в Феврале. Больше вроде ничего.

– И как далеко отсюда до Февраля?

– Совсем немного, если не пешком. Думаю, я покажу тебе дорогу. Мне все равно нужно туда за покупками.

«Что-то я слишком добра к нему», – мысленно осудила себя девушка. Но она испытывала симпатию к парню. Он многое пережил и справился со всеми трудностями, что делало ему честь. В отличие от большинства гостей мастерской этот был умным и вежливым, не распускал ни руки, ни язык. Он оказался чем-то иным – не таким человеком, как те, с кем она привыкла иметь дело. Когда Гайка была маленькой, отец подарил ей древнюю световую табличку, на которой записали огромное количество книг. С тех пор как она научилась читать, Анна не расставалась с этой табличкой. Больше всего Артур по своему поведению и по своей речи походил на героя тех книг, а не на современного человека. Многие слова, фразы, которые он бросал как бы невзначай, она встречала только там. Да и, черт побери, он просто был симпатичным.

Когда они закончили разговор и Артур удалился в дальнюю комнату, Гайка пошла за ним, чтобы запереть дверь – стандартная процедура, когда у тебя гостит незнакомец. В какой-то момент девушка почувствовала, что хочет пройти за ним не только до двери, но и до постели.

– Спокойной ночи, – холодно сказала она, задвигая засов.

На станции часы тянулись так, что их сложно было отличить от дней. Неделя за неделей, месяц за месяцем. Артур считал мгновения до того, как его рука заживет и он сможет покинуть проклятое место. В мастерской все произошло с точностью до наоборот. Неделя пролетела, будто бы ее и не было вовсе. И хотя Артур знал, что теряет время и мог бы двигаться к своей цели, он всей душой не хотел покидать это место.

Описание прошедшей недели стоило начинать с описания самой мастерской и истории ее появления. До рождения Анны ее отец, Герхард Гайко, зарабатывал на жизнь тем, что искал по всему миру остатки древних технологий. Но он был не простым искателем сокровищ, а

одним из немногих так называемых «мусорщиков». Кроме униформы – такой брони, какая сейчас была и у Артура, – мусорщиков объединяли единый кодекс, который они должны были соблюдать, и тайные знания, которые они передавали друг другу – от наставника к ученику. Орден существовал со времен высадки, то есть почти шестьсот лет, его основали инженеры. Первые мусорщики были открыты для мира и принимали в свои ряды всех, кто обладал достаточными навыками и демонстрировал нужные качества. Со временем орден становился все более и более закрытым, а вступление новых членов делалось все более и более проблематичным, пока наконец мусорщиков не остались считанные единицы. То тут, то там, по словам Гайки, появлялись отдельные продолжатели «благородного дела», но, как правило, они исчезали без вести во время первой же экспедиции. Герхард закончил свою карьеру после самого удачного похода. Он и команда наемников отправились в пустошь на поиски некоего сокровища. По словам Гайки, карта, указывающая место нахождения этого сокровища, досталась Герхарду от его отца, а тому – от его отца и так далее. В ходе экспедиции многие погибли, а трое выживших поделили между собой солидный куш. Подрывнику досталась станция терраформирования, которую они обнаружили. Тот посчитал, что это и есть сокровище, но, насколько Артуру было известно, станция не принесла ему никакого счастья. Снайперу, человеку по фамилии Шоу, достался целый контейнер инженерного оборудования. Впоследствии он стал большой шишкой и полностью захватил власть в ближайшем городе – Феврале. Гайка как-то упомянула, что хочет перебраться туда и надеется, что дядя Иезекииль поможет ей приобрести жилье. Что касается Герхарда, он получил свалку. Для всех остальных это являлось чем-то вроде кучи железа, пережившей чудовищной силы взрыв. И это на самом деле было так. Только вот куча железа когда-то являлась титанических размеров космическим кораблем, упавшим с орбиты. Отец Гайки верил, что где-то в глубине свалки кроется то, что он искал все эти годы, но, к сожалению, он не знал, что ищет. В его понимании, это был некий древний артефакт, обладающий абсолютной силой, – что бы это ни значило.

Герхард продал почти все свое оборудование и нанял рабочих. Через годы усердного труда они превратили «кучу железа» в золотую жилу. Почти все автомобили и генераторы, а также многое другое оборудование в радиусе ближайших пяти городов несло на себе клеймо мастерской Герхарда Гайко. Бывший мусорщик разбогател, обзавелся семьей. Его женой стала дочка владельца небольшого магазинчика в Феврале, Мария Давич. Он привез ее на свалку, и вскоре у них родилась дочь. Но, как и все хорошее, их счастливая жизнь закончилась слишком рано. Мария умерла от тяжелой болезни, и с этого момента все пошло наперекосяк. Свалка стала приносить куда меньше прибыли, чем раньше, работники разбежались, и если бы не солидные накопления, Герхарду пришлось бы залезть в долги, чтобы остаться на плаву.

В конце концов, усталость (как психологическая, так и физическая) вкупе со старыми ранами взяли верх над здоровьем самого Герхарда, и он слег. Силы оставили его. Дочь выхаживала отца и пыталась поставить на ноги, пока тот не умер во сне. Это произошло четыре года назад. С тех пор Гайка жила одна. Кроме технических навыков (к технике у девочки с детства был талант), от отца ей достались взрывной характер и деловая хватка.

Жители Февраля заезжали к ней за запчастями или привозили свою технику на починку, проезжие торговцы платили за профилактику машин – суровые условия пустоши заставляли заботиться о транспорте. Время от времени кто-то заказывал новый автомобиль, и Гайка, взяв задаток, нанимала рабочих из города, чтобы его построить. Многие просто приезжали за недорогим металлом. В общем и целом прибыли оказались небольшими, но стабильными.

Свалка была когда-то просто огромной, сейчас же от нее осталось не так и много. Никаких богатств тут не нашлось, тем более древних артефактов.

На краю свалки стояло большое здание – мастерская, которая больше походила на крепость. Стальные стены несли на себе следы не одной осады. Пока тут имелось хоть что-то ценное, многие хотели прибрать это к своим рукам. Внутри располагалось множество пustu-

ющих комнат, напоминающих о том, что когда-то тут трудилось и жило изрядное количество людей. Артур занимал самую дальнюю от большого зала комнатку. Комната была маленькой и оттого нравилась ему, казалась уютной. Кровать, тумбочка, сундук. Никаких излишеств. Тут не имелось труб с горячей водой, но Артуру все равно было тепло, когда он засыпал, его грело что-то, внезапно поселившееся внутри, что-то, с каждым днем разгоравшееся все ярче. Что-то, чего он не мог описать привычным для него языком логики.

Первые две ночи Гайка на всякий случай запирала его, и Артур относился к этому вполне нормально. На третью ночь он услышал ее шаги за дверью, но ожидаемого звука закрывающегося засова не последовало. Постояв немного, Гайка ушла. Все последующие ночи это повторялось – она приходила и, постояв за дверью, возвращалась к себе. В предпоследнюю же ночь она даже приоткрыла дверь, но захлопнула ее буквально сразу же. Артуру было сложно понять, зачем она это делает, так что он предположил, что хозяйка просто проверяет, все ли у него в порядке.

Днем они оба работали. Она возилась в мастерской с заказами, а он занимался мелким ремонтом. Гайка была толковым мастером, но на некоторые вещи ей просто не хватало времени. Так что у Артура появилось море работы. Левая рука, к его удивлению, уже почти восстановилась, и он мог пользоваться ей, не испытывая особой боли. В свободные минуты мужчина бродил по свалке в поисках хоть чего-то полезного для своего путешествия – но конечно же ничего не находил. Иногда он украдкой настраивал и оптимизировал древнее оборудование, которое имелось в мастерской. Гайка знала, что Артур с ним хорошо знаком, но он пока скрывал от нее, *насколько хорошо*. Время от времени украдкой наблюдал за тем, как работает Анна. Гайка была далеко не маленькой девочкой – некоторые подробности ее фигуры заставляли Артура испытывать определенное беспокойство. Она была чуть выше среднего роста и весьма крепко сложена, однако по сравнению с верзилью Артуром все равно смотрелась миниатюрной. Конечно, Артур понимал, что в ее красивом теле, скрытом под толстой тканью серого рабочего комбинезона, полно крепких, как сталь, мышц, но все равно то, с какой легкостью она управлялась с огромным гаечным ключом, поражаало его.

По вечерам они отдыхали в большом зале, слушая древнюю музыку на собранном вручную проигрывателе и вкушая, иначе и не скажешь, разную домашнюю выпечку с грибным чаем. Удивительно, но даже этот гадкий напиток тут был в десяток раз лучше того, который он пил на станции. Гайка уже вела себя с Артуром более открыто, много шутила и улыбалась. Да и ему самому было приятно ее общество.

В последний вечер она пришла к столу после ванной, облаченная в махровый халат, с распущенными волосами, которые обычно были стянуты в тугую косу до пояса. Волосы ее были длинными, густыми и слегка волнистыми, цвета золотистого пшеничного поля, которое Артур видел лишь на картинках. Белоснежная улыбка и ярко-голубые глаза дополняли картину. Артур отметил про себя, как она все-таки красива. Однако в тот вечер разговор как-то не клеился. Мужчина видел, что девушка почему-то нервничает, и когда он спросил ее, в чем дело, та ответила, что все в порядке. Не придав этому особого значения, Артур решил сменить тему.

– Ты знаешь, я думаю, что мне нужно будет в ближайшее время уехать, – сказал он.

От этих слов лицо Гайки как-то помрачнело. В ее теплом до этого взгляде что-то изменилось, от женщины вдруг повеяло холодком.

– Вот так вот? – сказала она с укоризной в голосе. – Просто возьмешь и уедешь?

– Мне бы хотелось остаться, – продолжил он, – правда хотелось бы. Но у меня очень важное дело. Я не могу его оставить. Наверное, отправлюсь в путь уже завтра утром.

– Что же, ладно. – Гайка резко встала из-за стола и задела его при этом так, что зазвенели тарелки. – Тогда мне нужно кое-что доделать.

С этими словами она ушла, оставив Артура в недоумении.

В ту ночь он впервые не услышал ее шагов за дверью. Вместо этого слышался шум, доносившийся из рабочей комнаты мастерской.

Следующим утром Гайка ждала его в зале. Ни следа от вчерашней Анны, явившейся после ванной, не осталось. Волосы собраны, на комбинезоне, руках и даже на лице – машинное масло. Артур вновь отметил про себя, что даже в таком виде она невероятно красива.

– Доброе утро, – буркнула хозяйка.

– Доброе, – ответил Артур с улыбкой.

– Я тут приготовила тебе кое-что в дорогу. – Анна посмотрела на него покрасневшими, заспанными глазами. – Хочешь взглянуть? Или сразу уедешь?

– Сколько ты спала сегодня? – забеспокоился Артур.

– О, не волнуйся, потом отосплюсь, – успокоила она, – я к такому привыкла.

– Ну хорошо, – неуверенно сказал он, – тогда бы я хотел взглянуть, да.

Анна сделала шаг вперед и крепко взяла его за руку. Артур вздрогнул, для него это было довольно неожиданно. Гайка, которая уже тащила его за собой во внутренний двор, похоже, этого не заметила.

Из внутреннего двора можно было попасть в три здания – саму мастерскую, склад и конюшни, которые одновременно являлись и гаражом. Большие ворота соединяли гараж с основной частью свалки. Артуру не очень нравилось выходить сюда, как и вообще наружу. Если не считать немногочисленных грядок и кустов, тут обычно было пусто. Сейчас же в центре двора стоял большой стол, накрытый брезентом, под которым что-то лежало.

– Я подумала, что надо тебя как-то поблагодарить, ты мне очень хорошо помог за эти дни, так что... вот... – сказала Анна, сдергивая брезент.

Артур подошел поближе и внимательно осмотрел то, что лежало на столе. Он не сразу узнал свою броню. Объем работы, которую проделала над ней Гайка, был просто невероятным. Комбинезон оказался почти полностью перешит и усилен, в нем появились вставки из толстой ткани, защищающие от мелких повреждений, и из тонкой, сетчатой, позволяющие воздуху попадать внутрь. Для защиты от солнца и ветра был предусмотрен капюшон со встроенными защитными очками и клапаном, позволяющим закрыть нос и рот. Металлических пластин стало значительно больше, все они оказались покрашены в серо-зеленый цвет, а соединяли их теперь не кожаные, а синтетические ремешки. Даже застежки теперь стали другими – такие, что Артур без труда мог сам надевать и снимать комбинезон.

К своему искреннему удивлению, он обнаружил на левой нагрудной пластине брони хорошо знакомый ему символ – два концентрических круга. Внутри меньшего фоном была расположена римская цифра «два», а внутри большего – поверх первого круга – виднелось изображение стилизованной птицы феникс, расправившей крылья.

– Откуда ты знаешь этот символ? – поинтересовался Артур.

– Такой же был на броне у моего папы. Я подумала, что он уместен.

– Это здорово. Я не знаю, что еще сказать, – начал он.

– Да и не говори ничего, – перебила его Гайка, – лучше попробуй, как сидит.

– Конечно, будет здорово.

– Тогда я оставлю тебя тут, а сама пойду подогрею завтрак.

Через секунду Артур оказался наедине с броней и пустынным внутренним двором. Чувствовать открытое небо над головой ему было неприятно, но он сумел перебороть нарастающее беспокойство. Кажется, этот его страх перед открытым пространством проходил вместе с болью в руке.

Одеваться оказалось действительно легко, вскоре броня была полностью застегнута. Артур присел несколько раз, покрутился из стороны в сторону. Броня сидела как влитая. Несмотря на солидный вес, она никак не мешала двигаться. А громадное количество броне-

пластин не создавало никакого шума. Артур думал, что услышит какой-то металлический лязг, и, к собственному удивлению, услышал его... со свалки.

Шум был довольно громким, будто металл ударился о металл, затем звук послышался вновь, на этот раз ближе. Артур взял свои вещи и направился в мастерскую. «Стоит рассказать об этом Гайке», – подумал он.

Но когда вошел внутрь, тут же напрочь забыл обо всем.

За то время, пока он переодевался, Гайка успела накрыть стол – на нем стояли большой пирог, какие-то салаты и еще что-то. Выглядело все более чем аппетитно.

– Я подумала, что стоит отпраздновать... – сказала девушка, – нет, не подумай, будто я радуюсь, что ты уезжаешь, просто я...

– Спасибо, – Артур и сам с трудом подбирал слова, – даже не знаю, что сказать. Спасибо.

– Я уже собрала нам вещи в дорогу. Ну там продукты, воду. Достала твой пистолет... так что можем отправиться сегодня.

Артур подошел и положил руку ей на плечо. Девушка еле заметно вздрогнула.

– Я тут вспомнил, что еще не всю работу сделал. Крыша немного протекает. Не стоит так все оставлять. – Он улыбнулся. – Поеду завтра.

Гайка взглянула на него с еле заметной улыбкой.

– Ну что, здорово, здорово. Пойду принесу чайник, – сказала она и, резко развернувшись, ушла на кухню. – А пока можешь попробовать пирог.

Артур последовал ее совету без промедления. Наверное, стоило снять броню, но это была слишком долгая процедура, а ему очень хотелось есть. Но стоило мужчине отправить в рот первый кусочек пирога, как металлический звук повторился. На этот раз он доносился с крыши мастерской.

– Ты слышал? – произнесла Гайка, выглядывая из кухни с чайником в руках.

– Да, но что это? – спросил Артур.

– Не знаю, – пожала она плечами, – возьми пистолет, он вон там, в рюкзаке, и запри заднюю дверь.

Шум раздался вновь, на этот раз сразу в двух местах.

Артур взял пистолет и, заперев дверь на тяжелый засов, вернулся к Гайке, та уже сжимала в руках отцовскую винтовку.

Артур хотел было что-то сказать, но тут его прервали шум моторов и скрип тормозов за дверью мастерской.

– Да что же там происходит? – буквально прорычала Гайка, направляясь к двери.

– Хей, есть кто дома? – Кто-то забарабанил в дверь. – Анята, открой!

Артур сразу узнал голос за дверью.

– Джек-Джек, – произнесла Гайка, – я занята, уезжай.

– Анята, детка! – Даже через дверь Артур чувствовал, как этот мертвец улыбается. – У нас тут просто лакомый кусочек для тебя и твоих инструментов. Платим наличкой.

Гайка вопросительно взглянула на Артура, тот отрицательно покачал головой.

– Я же сказала, что занята. И к тому же я не одета. Уезжай. Я заеду к дяде Иезекиилю через денек-другой и взгляну на твой кусочек.

За дверью раздался смешок.

– Можешь взглянуть на мой кусочек, когда захочется, детка. Эх, жалко, что босс запрещает тебя трогать, – произнес Джек-Джек, – а то бы я голыми руками выломал эту дверь, только чтобы взглянуть на тебя не одетую. Ладно, до встречи, куколка! Ребята, заводим моторы! Что за...?!

За дверью раздался глухой удар, за ним последовало несколько выстрелов, затем наступила тишина.

Гайка открыла окошко на двери и выглянула наружу. Артур, к тому моменту уже подошедший к ней, тоже посмотрел за дверь.

Три машины. С дюжину человек. На земле валялось два тела. Одно принадлежало тому громиле, который когда-то ждал Артура в засаде при выходе со станции. Второе было телом такой же твари, какую Артур видел в повозке.

Теперь он понял, что это был за звук. Звон когтей о металлическое покрытие крыши. Все повторилось вновь... И вдруг какая-то из тварей прыгнула вниз, чтобы тут же оказаться расстрелянной, за ней последовала еще одна, и еще, и еще...

– Впусти их! – крикнул Артур Гайке.

– Но они убьют тебя, – запротестовала она.

– Открой дверь или *их* там всех убьют!

Гайка кивнула и открыла засов.

– Все внутрь! Живо! – крикнула она.

Люди Джек-Джека особо не размышляли над щедрым предложением и хлынули внутрь мастерской, на ходу отстреливаясь от атакующих тварей. Вслед за последним человеком внутрь влетело и одно из существ, но только затем, чтобы кусочек свинца, который выплюнул пистолет Артура, разнес его черепушку вдребезги. Тварь рухнула внутрь мастерской, и Гайка захлопнула за ней дверь. Послышались звуки ударов. Дверь дрогнула, но выдержала.

– Что это? – спросил кто-то из людей Джек-Джека.

– Я не знаю, – откликнулся один из вошедших, – может, выродок?

– Не носи ерунду, Док, выродков не бывает!

– А это тогда что такое? – Худой мужчина пнул останки твари ногой.

Во время этого разговора только два человека не смотрели на обезглавленное тело на полу.

Джек-Джек впился взглядом в Артура, а тот впился взглядом в него.

– Ты же мертв... – сказал Артур вслух.

– Ах ты, грязный ублюдок! – рыкнул Джек-Джек в ответ. – Ребята!

Восемь вооруженных мужчин устремили взгляды сначала на своего босса, а затем на Артура. В этот же момент Гайка вскинула свое ружье.

– Только пошевелитесь! – рявкнула она.

Похоже, люди Джек-Джека, да и он сам, знали, что с ней шутки плохи. Никто даже и не подумал дергаться.

– Анята, детка, – начал Джек-Джек, – только подумай, что ты делаешь. Этот подонок напал на нас, пытался меня убить...

– Завали свою лживую улыбочивую пасть, нахал, – оборвала его Гайка. Артур поразился, какой жесткой может быть эта милая девочка. – А ну, пушки в пол!

Все, кроме Артура, опустили оружие.

– Ну и что ты будешь делать, красотка? – поинтересовался Джек-Джек. – Мы тут заперты. А выбирать по-любому придется на наших машинках. Ставлю левую руку на то, что твои лошадки уже в лучшем из миров.

«Не все!» – мысленно улыбнулся Артур.

– Тут есть прямой выход в конюшню? – неожиданно для всех спросил он у Гайки.

– Да, а что? – удивилась она.

– Тогда мы уходим, – пояснил мужчина, – держи их на прицеле, я возьму вещи.

Гайка вопросительно взглянула на него. Один из работаровцев попытался воспользоваться этим и навести на девушку ружье, но увидел все еще горячее дуло пистолета Артура и оставил эту затею.

– Доверься мне, – тихо сказал Артур.

– Ты, слышишь? – Улыбка Джек-Джека стала хищной. – Я тебя найду. Из-под земли достану. У меня к тебе целая куча вопросов. И ты на все ответишь, даже если мне придется отрезать от тебя по кусочку.

– Сначала ты отдашь мне свою левую руку, – буркнул Артур, уходя в сторону конюшни.

– Там за шкафом дверь, – пояснила Гайка.

Убрав револьвер в кобуру, удачно приспособленную Анной к броне, Артур налег всем весом на средних размеров металлический шкафчик – тот без особых усилий поддался. За ним действительно оказалась дверь.

Артур слышал шум, доносившийся из-за стены. Глухие звуки ударов, рык, визг, ржание.

– Ты уверен? – только и успела спросить Гайка, но он уже отодвинул засов и толкнул дверь.

Сделал это мужчина как раз вовремя, успел увидеть, как Бэтси, выломав металлическую коновязь из стены, встала на дыбы, после чего мощным ударом копыта проломила очередному выродку череп.

– Боже! – только и выдала Гайка.

В конюшне царил настоящий хаос. Одна из лошадей Гайки – кажется, Мария – была мертва. Остальные тела в конюшне (а их было просто чертовски много) принадлежали выродкам.

– Это она их всех? – спросила Гайка. Девушка явно была в шоке от того, что увидела.

Артур лишь кивнул в ответ. Похоже, тварь, которую Бэтси только что растоптала, была последней из тех, кто рискнул сунуться в конюшню.

– Бэтси, дорогуша, – обратился Артур к лошади, – стой смирно и позволь себя оседлать, пожалуйста.

Животное, секунду назад сходившее с ума и в бешенстве растоптавшее две дюжины чело-векоподобных хищников, вдруг, будто бы ни с того ни с сего, успокоилось.

В ответ на удивленный взгляд Анны Артур пожал плечами.

– Удивительно умная лошадь. Мы с тобой поедem на ней, – добавил он, накидывая седло.

– Выдержит? – неуверенно спросила Гайка, обводя оценивающим взглядом Артура в броне и их увесистые рюкзаки.

– Даже не сомневайся, – заверил он.

– А что с Роуз?

Артур взглянул на кобылу. Лошадь была уже не молода, и шансы уехать на ней от толпы разъяренных выродков казались невеликими. С другой стороны, Артур понимал, что с такой перегрузкой Бэтси вряд ли сможет набрать нужную скорость. Он протянул девушке револьвер.

– Лучше будет, если мы пристрелим ее сейчас, – сказал он, – решай сама.

Гайка протянула руку к револьверу, прикоснулась к холодной стали и... оттолкнула оружие от себя.

– Я ее не брошу, – твердо сказала она.

За спиной послышался хлопок двери, а затем звук задвигающегося запора.

– Ну, теперь назад дороги у нас нет, – констатировал Артур.

Когда обе лошади были оседланы, он подошел к воротам, а Гайка вскарабкалась на Роуз. Из ее седельной кобуры торчал приклад помпового ружья.

– Езжай вперед, – приказал Артур, – я сразу за тобой. Не оборачивайся, я тебя обязательно догоню. А ты, Бэтси, дорогуша, приготовься скакать так быстро, как сможешь, пожалуйста.

Закончив раздавать указания, Артур отодвинул тяжелый засов и рывком отворил ворота конюшни.

Роуз тут же метнулась вперед, сбив на землю первых выродков. Похоже, Артур был неправ, в старом лошадином сердце все еще горел огонь.

Мужчина метнулся к Бэтси. Два выстрела навскидку – и еще две твари оказались на земле.

– Вперед! – крикнул Артур.

Лошадь стояла на месте.

– Чтоб тебя разодрало! Бэтси, дорогуша, вперед, *пожалуйста!*

Артура изрядно потряхнуло – он не ожидал, что лошадь способна развить *такую* скорость. Они буквально пулей вылетели из конюшни.

Впереди во весь опор неслась Гайка. Рядом с ней он заметил несколько тварей, а вот вокруг мастерской их было целое живое море, и это море хлынуло в сторону Артура. Выпустив оставшиеся три пули в самых шустрых выродков, он воткнул револьвер в кобуру. Продолжая движение, выдернул из сапога длинный нож. Сделал он это как раз вовремя – одна из тварей с невероятной ловкостью прыгнула в его сторону. Одним движением лезвия Артур перерубил ей шею. Бывшая хозяйка клинка, без сомнения, была бы рада такому его применению. Вторая тварь, последовавшая за первой, получила крепкий удар окованным сапогом в брюхо. Больше попыток скинуть Артура с седла не было – ни один из выродков просто не мог догнать Бэтси, которая к тому моменту набрала очень хорошую скорость.

Артур догонял Гайку, но ее догоняли и выродки. Оставалось только надеяться на скорость старушки Роуз и на сноровку самой Гайки.

Резким движением девушка выхватила ружье и направила его на ближайшую тварь. Выстрел. Верхнюю часть туловища хищника разнесло фейерверком кровавых ошметков. Держась в седле и управляясь с лошадью только с помощью ног, Гайка передернула затвор. Еще выстрел. Следующей твари картечь пришлась в плечо. От удара ее развернуло, и она повалилась на землю. Один из выродков с другой стороны метнулся на Гайку и на ходу получил прикладом в зубы.

Артур пришпорил Бэтси. Когда он догнал Гайку, мастерская и окружившие ее мутанты остались далеко позади.

– Что будем делать, босс? – Док вопросительно посмотрел на Джек-Джека. Улыбка на лице босса была полна раздражения и усталости.

– Совершенно очевидно, что нужно отсюда выбираться, – пробубнил Джек-Джек, возвращаясь к двери. – Их там немало, но... – Он открыл смотровое окошко, чтобы примерно прикинуть, насколько немало, и в ту же секунду внутрь протиснулось несколько острых когтей. Вздыхнув, Джек-Джек выхватил пистолет из кобуры на поясе Дока и выстрелил. С той стороны двери раздался приглушенный вой, а с этой – одобрителный ропот. – Прикончить их не сложнее, чем кого-либо другого, – продолжил он свою мысль. – Нас тоже немало, и мы все при оружии. Да и вообще, это же чертова оружейная мастерская. Тут должно быть полно...

Джек-Джек обернулся к своим товарищам. Двое из них, включая Дока, уже ели пирог. Девять Пальцев налегал на салат.

– Босс, тут стол накрыт, – произнес кто-то из ребят.

– А в погребе жратвы полно, – донесся со стороны голос Здоровяка Винни.

– И полно коек, – добавил кто-то еще.

– А я нашел ванную! Тут даже вода есть! – раздалось откуда-то издалека.

Джек-Джек убрал пистолет в кобуру лишь затем, чтобы хлопнуть себя ладонью по лбу. «Духи всемогущие! Ну что за идиоты...» – думал он, а тем временем его шансы догнать Артура или хотя бы вовремя добраться до города таяли на глазах.

Глава 3

Они еще долго скакали по пустоши, пока наконец не остановились в тени небольшой скалы. Ни по дороге, ни за то время, когда разбивали лагерь, Артур с Гайкой не перекинулись ни словом. Пока Гайка раскладывала вещи, мужчина осмотрел территорию вокруг. Местность уже менялась, она была все такой же серой, как и равнина, на которой он начал свое путешествие и повстречал Анну, но это было единственное сходство. Землю вокруг изрыли многочисленные канавы и овраги, в которых скапливалась грязная дождевая вода. Надо всем этим возвышались ломаные холмы и острые, как пики, куски камня – скалы, торчащие из земли, как правило, под углом где-то в сорок градусов. Тут была растительность – небольшие деревца и кусты прятались, будто уставшие от дневной жары путники, в тени скал и тянули свои удивительно длинные корни к живительной влаге.

К сумеркам они уже разбили неплохой лагерь.

– И что это было? – спросила наконец-то Гайка, сидевшая у костра напротив Артура.

– Что именно? – уточнил он.

– Да, твою мать, все, – выругалась девушка.

– Ты правда думаешь, что я имею хоть какое-то представление?

Некоторое время они молчали.

– Ты действительно пытался убить Джек-Джека? – спросила Гайка.

– Он хотел продать меня в рабство, убил Старика. Мы дрались, он выхватил револьвер.

– И ты подумал, что стоит его прикончить, да?

– Я не пытался его убить. – Артур развел руками. – Я убил его. У меня не было другого выбора.

Гайка вопросительно посмотрела на собеседника. У девушки, похоже, не находилось подходящих слов.

– Я свернул ему шею. У него не было пульса, а у меня – сомнений в том, что он мертв. Я знаю, что видел, – вздохнул Артур.

– А я видела его живым у себя в мастерской, – парировала Анна.

– Наверное, об этом стоит спросить у него самого, а не у меня, правда?

Бэтси и Роуз, устроившиеся спать неподалеку, не участвовали в перепалке.

– Да уж, – только и сказала Гайка.

– Да и кто он такой вообще?

– Он наемник. Работает на Шоу, главу Февраля, – пояснила девушка. – Джек неплохой парень... жестокий, но неплохой.

– Он убил человека, – повторил Артур более жестко.

– Да тут каждый день кого-то убивают! – рявкнула Гайка.

– Тогда какие у тебя ко мне претензии? – уточнил мужчина.

– Знаешь, никаких. – Гайка, похоже, не хотела больше спорить.

– Ладно. – Артур потер переносицу. – Джек-Джек жив, и я этому рад. Я никого не хотел и не хочу убивать.

Гайка поставила чайник на огонь, а Артур достал собранный в дорогу паек. Поев, они оба немного успокоились и пришли в себя.

– Я не рассчитывала больше чем на одну-две ночевки в пустоши, – сказала Гайка, доедая подсохшее печенье. – Когда выйдут звезды, нужно будет сориентироваться.

Артур вспомнил, что из-за работы многочисленных станций геомагнитное поле планеты было нарушено. Компас тут банально не работал. Из-за отсутствия навигационной системы ГОРАЦИО, видимо, придется довольствоваться традиционными методами навигации.

– А как же выродки? – неожиданно спросила девушка с легкой улыбкой на лице.

– А что с ними? – не понял вопроса Артур.

– Ну, ты говоришь, что не хочешь никого убивать. Но их же ты убивал?

– Это совсем другое дело. Они ведь только похожи на людей. Но они не люди, верно? – В голосе Артура звучали нотки неуверенности. – Что ты о них знаешь?

– Отец рассказывал, что когда-то давно они были людьми. В первые годы после высадки бродили по планете, как и все. Тогда не было ни еды, ни воды – планета оказалась мертва, и они тоже умирали. Те, кто был достаточно везуч, смогли как-то спастись, но этих людей преследовали одни неудачи. Так шло, пока они не наткнулись на древнюю станцию. Она пустовала, и люди заняли ее, сделали своим домом. Но станция оказалась не такой, как другие. Может быть, что-то не так было с водой или с воздухом, я не знаю. Но с каждым новым поколением рождалось все больше и больше детей... с отклонениями. Вырастая, они становились сильнее и здоровее своих родителей, но ценой этому была потеря человеческого облика. Спустя много лет на той станции не осталось ни одного человека, только вырожденки. Никто точно не знает, где находится эта станция, но поговаривают, что по ночам обезумевшие полузвери-полулюди выбирают на охоту. И их жертвами становятся одинокие путники, отдыхающие у костра. Может быть, и сейчас они тихо подкрадываются к тебе со спины?

Артур невольно обернулся назад.

– Бу! – крикнула вдруг Гайка, и Артур чуть не подскочил на месте. Девушка засмеялась.

– А я смотрю, ты не особо переживаешь, да? – с сарказмом в голосе спросил он.

– Переживаю, конечно, – пожала плечами Анна, – но знаешь, отец всегда говорил, что все, что ни делается, – все к лучшему. А я все равно рано или поздно хотела покинуть свою маленькую норку и увидеть мир.

– Так что, теперь мы вместе? – неожиданно спросил Артур.

– До ближайшего города точно, – ответила она серьезно. – Я пока не знаю, стоит ли нам и дальше путешествовать вместе. Мы же почти не знакомы. Даже не знаю, кто ты на самом деле.

– Я обязательно все тебе расскажу, когда настанет время, – пообещал он.

– И когда оно настанет? – спросила Гайка.

– Скоро, очень скоро.

– Я даже рада, что так все вышло, – улыбнулась девушка как-то грустно.

– Что ты имеешь в виду? – не понял Артур.

– Неважно, – буркнула она, забираясь под одеяло, – я, пожалуй, посплю.

– А я тогда подежурю, – согласился он.

Вслед за затянувшимися сумерками на пустошь опустилась ночь. Произошло это быстро и даже немножко неожиданно. Создавалось такое ощущение, что кто-то просто взял и выключил свет, пожелав миру сладких снов. Отходя подальше от костра, чтобы его свет не мешал всматриваться в ночь, Артур подумал, что было бы здорово иметь коды управления «Гелиосом» и связь со спутником. Тогда этим «кем-то», говорящим всему миру «спокойной ночи», мог стать он сам, меняя при этом сумерки на ночь и обратно – по своему желанию. Если как следует подумать, то это даже хорошо, что ни у кого не было этих кодов, потому что «Гелиос», в теории, можно было использовать для разных, в том числе и не мирных, целей.

Но сейчас хоть немного подсветить скалистую местность вокруг было бы очень даже неплохо. Облака заволокли небо и не пропускали рассеянный звездный свет к земле. Тьма пропитала все вокруг, скопилась иссиня-черными пятнами под пиками скал. Было чудовищно тихо. Настолько тихо, что треск костра в отдалении, шорох мелкого гравия под сапогами и собственное дыхание казались Артуру невообразимым шумом.

Забравшись повыше на одну из скал, он оборудовал небольшой наблюдательный пункт. По его собственному мнению, ему удалось найти почти идеальное место для дежурства. Отсюда он мог видеть и сам лагерь, и все подступы к нему.

Постепенно раскаленный воздух, который в течение всего дня удушливым облаком нависал над пустошью, начал пропитываться ночной прохладой. В этот час, когда тепло смешивалось с холодом, Артуру дышалось особенно легко.

Мало-помалу глаза привыкали к тьме, зрение становилось острее, то же происходило и со слухом. Артур видел и слышал, вернее сказать, чувствовал, как с наступлением ночи оживает пустошь. Маленькие грызуны выбирались из своих укрытий в спутанных корнях сухих деревьев, чтобы напиться еще теплой после жаркого дня дождевой воды. К ним присоединялись длиннохвостые ящерицы, выныривавшие черными ленточками из расщелин камней, и даже немногочисленные птицы пустыни. Где-то в отдалении Артур слышал животных покрупнее. Картина эта была столь умиротворяющей, столь спокойной, что на лице мужчины появилась улыбка.

Вдруг раздался глухой звук удара, и в тот же миг вернулась тишина. Животные у водопоя насторожились. Насторожился и Артур. Положив руку на револьвер, он устремил взгляд в ту сторону, откуда послышался звук.

Тень мелькнула в отдалении между скал так быстро и так тихо, что могло показаться, что этого и не было. «Какое-то некрупное животное», – подумал он. Вслед за первой метнулась вторая тень. По скорости и тишине передвижения она не уступала первой, а вот по размерам превышала ее в разы. Вновь раздался звук удара. Жертва издала короткий хриплый крик, от которого птицы у водопоя взлетели, а грызуны с ящерицами ринулись к скалам.

Артур понял, что нужно действовать, пока это большое и явно хищное существо не заметило их стоянку. Пока оно было в отдалении, у Артура имелся хороший шанс обойти его и увести в сторону. У Артура имелись броня, оружие, и он был уверен в своих силах, знал, что справится практически с любой угрозой.

Стараясь издавать как можно меньше шума, но при этом двигаться как можно быстрее, он покинул свой наблюдательный пост.

Вскоре между ним и тенью завязалась настоящая игра. Артур, подобно своему противнику, двигался короткими перебежками между естественными укрытиями. Существо, похоже, было увлечено охотой и не замечало его. Быть может, если Артуру удастся приблизиться на прицельное расстояние, он сможет прикончить тварь одним точным выстрелом в голову. С этой мыслью он вытащил револьвер из кобуры и аккуратно взвел курок. Сделав ловкий рывок вправо, оказался за очередной скалой, по его прикидкам, как раз в этот момент тварь должна была сменить прикрытие, но этого не произошло.

Артур внимательней всмотрелся в темноту, но в ней не было никакого движения, и когда он понял, что нужно не смотреть, а слушать, было уже поздно.

Шорох мелкого гравия раздался у него за спиной. Артур обернулся.

Огромная, почти трехметровая, фигура четко различалась на фоне облачного неба. Массивные ноги, загнутые назад, как у кузнечика, переходили в диспропорционально худое тело, значительно расширяющееся к плечам, а длинные лапы свисали до самой земли. Голова чудовища была большой и сильно выдавалась вперед. Судя по положению тела, тварь готовилась к прыжку.

На раздумья не оставалось времени. Артур вскинул пистолет и выстрелил. Грохот разлетелся вокруг, подхваченный эхом, а вслед за ним раздался звон. Пуля, выбив искру, отскочила от головы чудовища.

Артур успел лишь выругаться до того, как этот кузнечик-переросток ринулся на него. Первый удар получился смазанным – хищник не ожидал от своей жертвы особой прыти, и Артур, перекатившись в сторону, вновь наставил пистолет на тварь – на этот раз в область брюшины. Он не успел выстрелить. Монстр наотмашь ударил его тыльной стороной своей лапы. От сильного удара пистолет вылетел из руки Артура, и ему пришлось отскочить назад.

Кузнечик развернулся к жертве, но атаковать почему-то не спешил.

Облака рассеялись, и Артур, медленно двигавшийся в сторону своего пистолета, смог лучше рассмотреть противника. Голова чудовища была вытянута, подобно крокодилей, но морды на ней попросту не было – всю переднюю часть головы скрывала стальная пластина. Прямо из-под нее торчали острые на вид клыки, а между ними приютился большой красный язык. Артур не мог поверить своим глазам, но на твари были одежда и даже какие-то элементы брони.

– Ты что, разумный? – спросил Артур.

Кузнечик ему не ответил. Он вновь кинулся на противника, и тот попытался, как в прошлый раз, кувырком уйти от атаки. Не удалось. Монстр предугадал его движение и, на ходу оттолкнувшись ногой от камня, набросился на Артура. Тот повалился в грязную лужу, а монстр оказался прямо над ним. На этот раз он один за другим наносил резкие хлесткие удары. И один за другим Артур отводил эти удары руками. Не сдаваясь, тварь разинула пасть, чтобы клыками вцепиться в лицо Артура. В этот же момент человек что было силы ударил ногой. Удар пришелся как раз в область паха.

Тварь дико взвыла.

– Так у нас тут мальчик! – обрадовался Артур и нанес окованным кулаком мощный удар в открытое горло Кузнечика. Затем он подтянул ноги к себе и, упершись в тело монстра, безвольно нависшее над ним, оттолкнул его от себя.

Кузнечик повалился на спину. Артур, не теряя времени, вскочил на ноги и, схватив с земли пистолет, направился к противнику. Ударом сапога в челюсть он вырубил монстра и не дал ему вновь подняться с земли. Кузнечик разинул пасть, чтобы зарычать на него, но Артур, воспользовавшись этой возможностью, запихнул пистолет ему в рот. Ствол уперся твари в нёбо, а рукоять револьвера – в нижнюю челюсть. Артур взвел курок.

– Стойте! Пожалуйста, не надо! – крикнул кто-то за спиной. Голос принадлежал явно немолодому мужчине.

Артур промедлил лишь на секунду, но этой секунды Кузнечiku хватило, чтобы оклеветаться. Одним, казалось бы, легким ударом он отправил Артура в полет, который секунду спустя закончился столкновением с глыбой камня. От дикой боли, пронзившей грудь, человек сел на землю, из его легких будто выбили весь воздух. Силы в этом существе было в разы больше, чем Артур мог подумать. Он увидел, как Кузнечик вскочил на ноги и *выпустил когти*. Все это время чудовище с ним играло, понял Артур. А вот сейчас игры кончились.

– Я сказал, стойте! – В стариковском голосе послышались властные нотки. – Питер! Хватит!

Кузнечик послушался. Он остановился, слегка присел, прижал к себе руки и наклонил голову, сделав виноватый вид.

– Вот-вот! Пусть только шелохнется, – крикнула Гайка с другой стороны, – и я его изрепечу!

– Мисс, послушайте! Не нужно насилия! – умолял старик. Он был невысок ростом, коренаст, но, кроме этого и еще его белой аккуратной бороды, ничего не удавалось различить. То ли темнота, то ли звезды, летающие перед глазами, мешали сфокусировать взгляд.

– Что это за чертова штука? Как вы ей управляете? Зачем вы напали на нас? – сыпала вопросами Гайка.

– Это не «штука», это мой сын. Я им не управляю, он сам меня слушается. – В голосе мужчины послышались холодные нотки и чертовски знакомый Артуру акцент. – Он охотится в этих скалах по ночам, и вы можете поверить моему слову, он не напал бы на человека первым. Ни при каких обстоятельствах.

– Артур, что случилось? – спросила Гайка теперь уже у него.

– Все так, – прокряхтел Артур. – Я первый на него напал.

– Артур? – вдруг ни с того ни с сего переспросил мужчина и сделал несколько шагов в его сторону. – Артур Джерард?

– Кто ты такой и откуда ты меня знаешь? – нахмурился мужчина и предпринял безуспешную попытку встать.

– Разве ты не узнаешь меня, приятель? – проговорил незнакомец, подходя ближе.

Артур проморгался. Он просто не мог поверить своим глазам.

– Фердинанд Берг! – воскликнул удивленно. – Но ты же – старик!

– Спасибо, что заметил. Мы и дальше будем тут угрожать друг другу оружием и констатировать очевидные факты или пойдем в дом пить чай? – Берг в привычной для него манере саркастически поднял бровь.

– До-о-о-ом, – неожиданно провыл Кузнечик, выковыривая из зубов револьвер.

...Когда прошлой ночью Гайка проснулась от звука выстрела и побежала спасать Артура, ей и в голову не могло прийти, что крупный мужчина, вооруженный огнестрельным оружием и облаченный в прочную броню, способен сам о себе позаботиться. В конце концов, она лишь убедилась, что была права.

Лагерь быстро свернули и все вещи перенесли в жилище Берга, которого Гайка все же узнала по дороге – тот был частым гостем ее отца. Он покупал оборудование, которое другие даже не знали, как использовать. Гайку до глубины души удивляло, что они с Артуром так хорошо знакомы и что, несмотря на разницу в возрасте, ведут себя как закадычные друзья.

Особенно ее поразил фривольный и довольно грубый комментарий Артура насчет Питера, или, как выражался ее спутник, Кузнечика.

– Знаешь, Берг, – сказал Артур, наблюдая за Кузнечиком издали, – я всегда знал, что тебе нравятся крупные женщины, но это... уже перебор.

Берг, которому, наверное, следовало бы обидеться на такое, лишь рассмеялся в ответ и сказал что-то вроде: «Но твой выбор я все равно одобряю».

Гайка не совсем понимала, как такое возможно, чтобы человек считал своим сыном чудище вроде этого Кузнечика. Но потом ей пришла на ум старая поговорка: «Представь сегодня любой кошмар, и завтра ты встретишь его в пустоши».

Когда компания из трех человек и двух лошадей добралась до домика, притаившегося в тени огромной скалы, Питер уже сидел на крыльце, потроша добычу своими длинными когтями.

Домик был довольно небольшой, и Гайка сразу узнала металл, из которого он был построен. Рядом с домиком располагались небольшой огород и несколько пристроек. Анна, удивилась, как можно жить в столь открытом и незащищенном месте, но потом вновь взглянула на трехметровую машину смерти, мирно сидящую на крыльце, и ее удивление рассеялось.

Хотя у Гайки было полно вопросов, она все же предпочла сначала выспаться. Общение с Артуром вот уже который день лишало ее отдыха, и когда хозяин дома предложил ей свою кровать, она, не задумываясь, согласилась.

Стоило ее голове коснуться подушки, как Гайка моментально уснула.

К утру, когда она сумела наконец продрать глаза, Берг с Артуром все еще были там, где она их оставила, уходя спать, – сидели за обеденным столом и разыгрывали очередную партию в шахматы.

– Доброе утро, Гайка, – улыбнулся Артур. – Как спалось?

– Замечательно, – проворчала она.

На самом деле мышцы, дико уставшие от верховой езды, мучили ее всю ночь.

– Надеюсь, мы не мешали тебе своей болтовней? – уточнил Берг.

– Ничуть. – Гайка попыталась изобразить дружелюбие.

Их болтовня, в которой она не могла разобрать ни слова, будила ее даже чаще, чем боль в спине.

– Я принесу завтрак. – Берг быстро собрал шахматы со стола.

– Эй! – возмутился Артур. – Я же выигрывал!

– Тебе шах и мат в шесть ходов, – пожал плечами Берг.

– Тебе. В четыре, – парировал Артур, затем обратился к Гайке, игнорируя возмущение приятеля: – Знаешь, мы тут побеседовали.

– Я обратила внимание. – Гайка зевнула. – И что с того?

– Мы решили, что можем все тебе рассказать, – сказал Берг, возвращаясь с подносом, полным жареного мяса.

– Ты же сама жаловалась, что ничего обо мне не знаешь, – подтвердил Артур, хватая с подноса аппетитное ребрышко.

Гайка тяжело вздохнула. Похоже, ей придется выдержать словесную пытку.

– Мы с Артуром – инженеры, – просто сказал Берг, будто не придавая своим словам особого значения.

– В смысле? – не поняла Гайка.

– Ты помнишь легенды про древних богов, которые на огромных птицах принесли людей в этот мир? – спросил Берг совершенно серьезно. – И как потом они учили людей жить по древним законам?

– Я помню легенды, но это все чушь, – уверенно заявила девушка, – не было никаких богов и огромных птиц.

– Верно! – улыбнулся Артур. – Были космические корабли и люди, их построившие.

– Это были мы с Артуром, – вступил в разговор Берг, – и еще тысячи других инженеров.

– Так-так-так, – Гайка потерла переносицу, – эти ваши боги-не-боги-инженеры уже все давным-давно поумирали, разве не так? Как же вы можете быть... ими?

– Дорогуша, давай-ка все по порядку, – мягко улыбнулся Берг, подливая ей чаю, – все началось с того, что солнце нашего старого мира стало умирать. Это был медленный процесс, но ничто не могло его остановить. Чтобы дать человечеству шанс на выживание, люди создали двенадцать огромных кораблей. Этот флот «Ковчег» должен был пересечь космическое пространство, чтобы добраться до ближайшего мира, пригодного для заселения. Вот только «ближайший» мир находился в десятках тысяч лет пути. Чтобы выдержать такое путешествие, все пассажиры «Ковчега» погрузились в сон на долгие годы. Сон этот позволял людям не стариться и не умирать – сколько бы лет, веков, столетий ни прошло.

– Но флот не мог функционировать сам по себе, – продолжил рассказ Артур, – кто-то должен был заботиться о сложных механизмах, поддерживать их в рабочем состоянии. Для этого были созданы инженеры. То есть мы. Кандидатов тщательно отбирали еще в младенческом возрасте. Нас подготавливали как умственно, так и физически. Подготавливали так хорошо, как это было возможно, ведь от решений каждого инженера зависела если не судьба человечества, то жизни миллионов людей. Все мы владели широким спектром знаний во всех областях, которые могли бы нам пригодиться, но при этом каждый имел какую-либо одну узкую специальность. Берг, например, микробиолог.

– А ты? – спросила Гайка.

– А я – баллистик. Специалист по движению объектов. Этот знак, – Артур указал на птицу феникс, изображенную на его броне, – означает, что я принадлежу ко второму инженерному эшелону. Такой же был на моем скафандре.

– А это что значит, второй эшелон? – не поняла Гайка.

– Инженеров разбили на три эшелона и заморозили, как и остальных, – подхватил нить повествования Берг. – Представители первого эшелона просыпались в полете. Они проверяли, хорошо ли работают двигатели, стабилен ли сон «человеческого груза» и все ли в порядке с кур-

сом. Каждый инженер просыпался раз в тысячу лет и работал где-то полгода. Но кроме банального поддержания стабильности, инженеры первого эшелона занимались исследованиями. Для этого в их распоряжении были самые мощные компьютеры. Представь себе, что ты придумываешь неразрешимую задачу, ставишь невыполнимые условия машине, которая создана, чтобы быть умнее тебя. Ты даешь ей задание найти ответ и засыпаешь на пару тысяч лет, все это время она за тебя решает твою задачу. Когда ты вновь просыпаешься – вуаля! – задача решена! Ты можешь обработать полученные данные и задать новую задачу, после чего снова погрузишься в сон, и так в течение миллионов лет. Технологии должны были сделать огромный скачок вперед. И они его сделали!

– Но это не было так хорошо, как мы думали в самом начале, – мрачно заметил Артур. Он держал кружку с чаем между ладонями и будто бы пытался увидеть прошлое в янтарной жидкости. – У каждого эшелона имелся руководитель, старший инженер. Он должен был следить за тем, чтобы программа не сбилась с курса, чтобы в нее не вносили непоправимых изменений. Но руководитель первого эшелона, доктор Розенберг... как бы это сказать... он пропал. Просто исчез... я не знаю, что произошло. Никто теперь не узнает. Но без его контроля эксперименты начали заходить куда дальше, чем должны были. Среди инженеров стало... – Артур сглотнул образовавшийся в горле ком, – стало нормой ставить эксперименты на людях. Порой на единицах, порой на десятках, сотнях, порой...

– Порой на тысячах, – продолжил Берг, – на тысячах ни в чем не повинных людей. Инженеры первого эшелона думали, что делают человечеству одолжение, большой подарок, меняя его, перестраивая по своему вкусу.

Артур опять нервно сделал большой глоток чая и продолжил:

– Конечно, дело было не только в людях. Хотя само по себе это ужасно. Новые технологии без всякой системы встраивались в программу, замещая и тем самым уничтожая стандартные протоколы, автоматику. Все переписывалось – машины, природа, животные, – все. Я летел в составе второго эшелона. Мы должны были обеспечивать подготовку планеты и последующую высадку. Но когда флот встал на орбиту и мы проснулись, то, что увидели, стало для нас настоящим шоком. От программы не осталось ровным счетом ни черта. Каждый перенес это потрясение по-своему, кто-то тяжело, а кто-то очень тяжело. Хуже всех было Гермгольцу...

– Старшему инженеру второго эшелона, – пояснил Берг.

– Сначала он приказал изолировать всех инженеров первого эшелона и стереть все их исследования. Флот, как ты понимаешь, был огромным и подвергся просто чудовищным изменениям за тысячелетия полета, найти и уничтожить все следы работы первого эшелона оказалось попросту невозможно. Гермголец медленно сходил с ума, а вместе с ним и большая часть моих коллег. Одна половина считала, что нужно уничтожить все... включая людей, подвергшихся изменениям, вторая говорила, что все еще можно поправить.

– И что случилось потом?

Артур и Берг какое-то время сидели молча. Затем снова заговорил Артур:

– Потом случилась бойня. Гермголец каким-то образом сумел перебить практически весь первый эшелон. После этого он заявил, что поступит так с каждым, кто пойдет против него.

– Но ты пошел, да? – попыталась угадать Гайка.

– Гермголец... – тяжело вздохнул Артур, – на моей памяти еще не нарушил ни одного своего слова. А я, как ты видишь, жив.

– Не все тогда оставались на орбите, – пояснил Берг. – Артур должен был следить за спуском капсул на планету с ее поверхности. Пока другие увлекались спорами о судьбе человечества, кое-кто просто делал свое дело.

– Я уже давно был на планете, когда на орбите началась бойня, – вспоминал Артур, – помню, мы тогда только закончили спускать геостанции. Не знаю, что там произошло, и даже боюсь представить. Но когда все кончилось, поступил сигнал от Гермгольца. Он сбрасывал

капсулы с людьми. Сбрасывал так, чтобы никого не осталось в живых. Без тормозных двигателей, по неправильной траектории.

– И что ты сделал?

– Свою работу, – коротко сказал Артур. – Ни одна из капсул с людьми так и не разбилась. Все выжили.

– Выжили при посадке, да, – отметил Берг, – но программа была нарушена и сработала не так, как должна была сработать. Вместо идеального мира люди получили пустошь, а вместо городов, возведенных машинами, лишь наполовину функциональные останки этих машин. Мусор.

– А что случилось с Гермгольцем? – спросила Гайка.

– Он погиб, – коротко сказал Артур, – а вместе с ним и весь второй эшелон. Почти весь, – уточнил инженер. – Твоя свалка когда-то давно была тем самым кораблем, на котором они падали с орбиты. Я пытался его спасти, но...

– Он, правда, успел сделать кое-что полезное перед смертью, – вставил свое слово Берг. Гайка вопросительно посмотрела на него, а затем на Артура.

– Он дал машинам новую задачу, – сказал Артур. – Рассчитать программу заново, с самого начала.

– Восстановить все, что было утрачено, – объяснил Берг, – видишь ли, он сохранил несколько капсул с людьми. Те были «чистыми», нетронутыми. Этого, по его мнению, было достаточно, чтобы начать все заново. Ценой такому начинанию стали миллиарды человеческих жизней.

– На то, чтобы компьютеры смогли решить эту задачу, – продолжил Артур, – ушло примерно...

– Примерно шестьсот лет, – закончил за него Берг, – то есть к нынешнему дню программа должна быть восстановлена.

Глаза Гайки округлились.

– Вы хотите сказать, что все древние станции могут взять и заработать на *полную* мощность?!

– Да, – ответили одновременно Артур и Берг.

– И почему до сих пор этого не случилось? – поинтересовалась девушка возмущенно.

– Да потому, что до сегодняшней ночи, – ответил Берг, – Артур был единственным инженером, единственным человеком, который вообще знал об этом.

– В смысле? – не поняла Гайка.

– Все другие инженеры на планете, все до одного, кто тут жил и живет, проснулись уже после высадки, – пояснил Артур. – Они не имели ни малейшего понятия, как все произошло и что с этим делать. Люди просто не знали, что программа восстанавливается сама. А я проспал все эти шестьсот лет, чтобы проснуться как раз к завершению процесса.

– Так. – Гайка вновь потеряла переносицу. Это уже было для нее слишком. – Просто скажите, что нужно сделать, чтобы все было хорошо.

– А мне нравится твой подход! – ухмыльнулся Артур.

– И, похоже, не только подход... – Берг саркастически поднял бровь.

– Ну? – Гайка поторопила их с ответом.

– Без кодов доступа старшего инженера запустить программу можно только с экстренной консоли на станции «ГЕО-1», – ответил Артур.

– А ее очень сложно найти, верно? – догадалась Гайка.

– Без инженерного оборудования почти невозможно, – сказал, как отрезал, Берг. – Я свое уже шестнадцать лет как пустил на запчасти, а Артур свое... кх-м...

– ...потерял, – закончил за товарища Артур.

– Стоп. – Гайка тряхнула головой. – А как насчет старшего инженера третьего эшелона? Ведь вы сказали, эшелонов было три, верно? У него же есть эти ваши коды?

– Да, конечно, – подтвердил Берг. – Его фамилия Штейн, но будь я проклят, если знаю, где он или что с ним произошло. Пойми, прошло шестьсот лет. Я, например, проснулся тридцать лет назад, Артур – полгода назад. А Штейн мог проснуться когда угодно. Может быть, он все еще спит, а может быть, давно умер. Вполне возможно, что его кости уже превратились в пыль. Этого я знать не могу. Знаю только, что найти огромную станцию куда проще, чем одного человека. К тому же это Артур спускал станцию на планету, так что ему будет несложно ее найти.

Артур покачал головой:

– Я спустил на планету больше семи сотен объектов различного назначения. Ты правда думаешь, что я запомнил их все? Я вот был рабом на «Терра-Январь-9», Гайкина мастерская – место падения каркаса «Января». Думаешь, это знание мне хоть как-то помогает? Я до сих пор даже не представляю, в какой именно области планеты нахожусь. «ГЕО-1» может оказаться на расстоянии тысяч километров, а может быть прямо под нами.

– Так что мы будем делать? – задала вопрос Гайка.

– Искать, – просто сказал Берг.

– Искать другие станции и инженерное оборудование, – дополнил его слова Артур.

– Ну, тогда я знаю, с чего мы начнем, – улыбнулась Гайка, – отправимся в гости к дяде Иезекиилю. То есть к мистеру Шоу, мэру Февраля. У него есть и то, и другое.

Два дня люди Джек-Джека провели в полнейшем бездействии. Они опустошали холодильник и погреб, выстраивались в очередь на помывку и играли в карты на свою будущую выручку, которая ждала их в городе. «Шкура неубитой кобылы» делилась на части и переходила из рук в руки до тех пор, пока связь между победителями и их должниками не стала настолько расплывчатой, что пожелай кто собрать эту шкуру обратно, у него получилось бы что угодно, но не лошадь. Радиосвязь со станцией установить так и не удалось, а прорываться к машинам самостоятельно, рискуя жизнями, никто не хотел.

Выродки, а это, без сомнения, были именно они, так и не смогли проникнуть внутрь, но, отличаясь удивительной настойчивостью, не прекращали своих попыток это сделать.

Джек-Джек проводил время в мастерской, собирая себе новый револьвер. Тот, который он отобрал у Дока, был неплох, но все же не мог сравниться с тем, который прихватил с собой Артур. Каждую новую модель он обстреливал на тварях. Спустя какое-то время у них выработался инстинкт разбегаться в разные стороны при звуке открывающегося смотрового окошка двери. Это будет полезно, когда они решат прорываться.

Оборудование в мастерской оказалось очень хорошим, можно сказать, лучшим из того, с чем Джек-Джеку когда-либо приходилось работать. Он серьезно переживал, думая о том, что когда они наконец-то решатся прорвать осаду, придется бросить все это богатство. В мастерской также было полно болванок. Почти все детали Джек-Джек выточил с нуля из легкого и невероятно прочного древнего материала, который Аннушка прятала под верстаком. В качестве калибра для ствола Джек-Джек выбрал сорок четвертый вместо привычного тридцать восьмого, по той причине, что в мастерской имелся солидный запас таких патронов. Последним штрихом была благородная деревянная рукоять с резьбой. Источником драгоценного дерева стал приклад погнутого двустольного ружья, которое Джек-Джек нашел валяющимся неподалеку. Его искренне удивило то, как поступили с этой недешевой вещью. Из самого ружья он, к слову, сделал себе довольно удобный обрез. Ему подумалось, что лишний ствол не помещает. Из остатков металла – тонкой пластины – Джек-Джек соорудил небольшой топорик, который оказался неплох как для рукопашной, так и для метания. Подобные топорики были

излюбленным оружием местных индейцев. С тех пор как Джек-Джек стал жить в городе, ему как раз не хватало чего-то такого, что напоминало бы о первом доме – из тех, которые помнил.

– Хорошо, – произнес он, закончив работу, и не без радости рассмотрел свои обновки. Впервые за длительное время его улыбка была искренней.

– Хей, босс! – раздался голос Здоровяка Винни и отвлек от приятных мыслей.

– Что? – грубо отозвался Джек-Джек.

– Они ушли, – выпалил Здоровяк, ворвавшись в мастерскую и чуть было не снеся своей тушей один из верстаков.

– Кто ушел? – не понял Джек-Джек. – Что, кто-то свалил без нас?

– Да нет, босс. – Здоровяк чуть ли не смеялся. – Выродки ушли. Хоп, и нету!

Джек-Джек не поверил своим ушам. Он взял револьвер со стола и, оттолкнув Винни в сторону, вышел в главный зал. Быстрым шагом направился к входной двери, у которой уже толпились практически все его люди. Стоял шум, наемники громко переговаривались между собой.

– Так, – произнес Джек-Джек и открыл смотровое окошко, держа револьвер наготове.

Несмотря на поздний час, оказалось довольно светло, – ночь была звездной. Все, что смог разглядеть Джек-Джек, это кузова своих машин.

– Фонарь, – просто скомандовал он, и через секунду в его руке оказалась добротная спиртовая лампа.

Джек-Джек медленно открыл дверь и выглянул наружу. Тишина. Он сделал шаг вперед, и в нос ему ударил резкий запах гниения, смешанный с вонью испражнений. Внимательно осмотревшись, он не обнаружил ничего, кроме останков подстреленных им, а затем сожженных сородичами выродков. Пусто. Они и правда ушли.

Джек-Джек выругался и вернулся в мастерскую.

– Ну что там, босс? – спросил Девять Пальцев.

– А ты сходи посмотри. – Джек-Джек холодно улыбнулся. – Так, джентльмены. Мы хорошенько отдохнули, пора поработать. Пакуем вещички и сваливаем.

Люди Джек-Джека помрачнели, и он это заметил. Нехорошо выглядеть в их глазах врагом. Джек-Джек подпустил дружелюбия в свою улыбку.

– Думаю, что парочка выродков могла остаться снаружи. Глупо идти на улицу ночью, да к тому же не подготовившись как следует, – произнес он и увидел, как приободрились его люди. – Хей, и потушите немедленно эту лампу! Я, пожалуй, пригублю того, чем ее заправили!

Наемники весело загоготали, а Джек-Джек мысленно проклял их всех, сделав вид, что действительно пьет технический спирт. Ночь предстояла долгая.

Стояла звездная ночь. Уже давно перевалило за полночь, и Артур, то и дело зевая, проклинал свое решение выбраться на эту «прогулку».

Следовать за Кузнечиком было крайне утомительно. Его длинные, мускулистые, изогнутые назад ноги были просто идеально приспособлены для бега по пересеченной местности. Казалось, они сами несли вперед, и Кузнечик забывал, что он идет не один. Поначалу Артур пытался держать темп своего новоявленного проводника, но эта задача оказалась непосильной. Кузнечик убегал вперед и скрывался где-то в скалах, чтобы через несколько минут появиться совершенно с другой стороны. Так повторялось раз от раза. При всем при этом наглый тип, вернувшись, начинал жестами и даже легкими толчками (не чета вчерашнему!) поправлять Артура, дескать, тот за время его отсутствия совсем сбился с пути. Все четче и четче в голове Артура вырисовывалось воспоминание о вчерашнем пинке, который он дал Кузнечнику между ног, и мысль о том, что его стоило бы повторить.

Чудище это уже не казалось столь «страшным» и даже, что удивительно, отталкивающим. Дело состояло вовсе не в том, что... Питер... был, по сути вещей, безобидным дурачком, нет. Дело заключалось в его отце. Они с Артуром никогда не были настоящими друзьями, но знали

друг друга хорошо. Проводили много времени в одной компании, посещали одни и те же занятия. Берг оказался последней ниточкой, связывающей Артура с прошлым, с теми счастливыми днями, когда он чувствовал себя в безопасности, когда ему не приходилось думать о том, как выжить, и Артур невольно переносил свою симпатию к коллеге-инженеру на его сына.

Когда же Артур узнал историю возникновения этой странной семьи, его отношение к Кузнечик у окончательно определилось как хорошее. И этому не могли уже помешать ни странный вид, ни дикие повадки, ни то, какое раздражение он вызывал у Артура своим поведением. Даже тот факт, что вчера вечером Кузнечик выбил из Артура всю душу, чуть было не переломал ему ребра, а затем хотел порезать острыми когтями на мелкие кусочки, не мог изменить хорошего отношения.

Историю эту Артур, к слову сказать, находил весьма интересной, и если бы он не знал Берга, еще и весьма неправдоподобной. Но повода не доверять старому знакомому он не имел.

Берг встретил свою будущую супругу двадцать лет назад в Осенней квартире, «на другой стороне света», как он выразился. Тогда молодой еще инженер странствовал по миру, помогая всем, кто встретится ему на пути. Будучи микробиологом и хорошим врачом, он заработал себе прекрасную репутацию во всех уголках света. Именно поэтому, когда в Сентябре началась эпидемия, каждый день уносившая жизни десятков людей, глава города – султан, как его назвал в своем рассказе Берг, послал своих людей за знаменитым «древним лекарем». Условия были простые: если Берг сумеет победить «черную болезнь», то ему будет выплачена солидная денежная сумма и в придачу отдана в жены дочка этого самого султана. Если же он не справится, ему гарантировали страшную и, по заверениям султана, крайне медленную смерть. Берг согласился с условиями. Через месяц с лишним упорного труда он наконец-то сумел найти лекарство и побороть эпидемию. Смеясь, он рассказывал, что в последний момент подумывал о том, чтобы выбросить лекарство, так как не знал, какая участь страшнее – медленная, полная мучений смерть или женитьба на султанской дочке. В результате он забрал деньги и сбежал с собственной свадьбы вместе с симпатичной дворцовой служанкой, которую первой вылечил от болезни.

Об их счастливой семейной жизни Берг особо не распространялся. Вместе уехали в другую квартиру, построили дом и, когда все утряслось, решили обзавестись детьми. Вот только с этим у них все сложилось неважно. «Черная болезнь», пусть и была вылечена, успела повредить внутренние органы несчастной женщины. Деформация была незначительной, и без специального оборудования Берг не сумел ее вовремя заметить.

Мать не смогла пережить роды, а Питер родился с серьезными отклонениями. Будь его отец кем угодно, но не Фердинандом Бергом, погиб бы и ребенок. Инженер сумел поддерживать жизнь в новорожденном достаточно долго для того, чтобы найти способ спасти его от неминуемой смерти.

Подобно сделке с дьяволом, технологии первого эшелона предлагали чудесное спасение, но требовали за это чудовищную цену. Берг согласился с условиями.

Сначала он заразил Питера рукотворным вирусом-бактериофагом, который сожрал и полностью подменил его иммунитет, а также наделил своего носителя способностью регенерировать поврежденные ткани. Самым длительным процессом, по словам Берга, было купирование вируса – его создатели планировали буквально «заразить всех здоровьем». Выживаемость в случае такого заражения была чудовищно мала. Зато счастливчик, сумевший перенести заболевание и не умереть (с вероятностью один к семидесяти девяти), мог впоследствии никогда не беспокоиться о своем здоровье. Питер оказался этим самым счастливчиком. Нельзя сказать, что это была чистая удача – ключевую роль сыграл талант отца-микробиолога, подготовившего его организм к заражению.

Артур, конечно, поинтересовался, не заразен ли Кузнечик и не опасно ли находиться с ним рядом. На что Берг ответил, что для заражения придется выпить как минимум пол-литра

крови Питера, и раз сам он до сих пор жив, проведя с сыном столько времени и покопавшись в пропитанных вирусом внутренностях, то вероятность заразиться крайне мала.

Когда благодаря вирусу отторжение тканей перестало быть проблемой, Берг заменил деформированные кости сына полимерными, а поврежденные органы искусственными имплантатами. Артур вздрогнул, когда осознал, что до возраста пяти лет Питер жил прикованным к операционному столу, а его жизнь была непрекращающимся хирургическим вмешательством.

Кое-какие функции организма удалось сохранить почти в первоначальном состоянии, например репродуктивную. Но кое-какие пришлось изменить специально, чтобы подстроиться под новую систему. А кое-что так и не удалось восстановить. Например, Бергу не удалось восстановить зрение, и он создал для сына альтернативную систему восприятия, используя для этого сенсорный модуль своего ГОРАЦИО. «Видел» Кузнечик как раз своей металлической пластиной на лице. Артур почувствовал вину, когда понял, как, наверное, неприятно было Питеру от того выстрела.

Атрофированные за годы неподвижной агонии мышцы Берг восстановил, вживив в них волокна, добытые из экзоскелетной ткани своего скафандра. Это сказалось на строении всей мышечной системы и соответственно скелета. Ткани срастались очень быстро и порой совсем не так, как хотелось бы Бергу. В результате Кузнечик приобрел свою неповторимую фигуру.

В какой-то момент скрывать факт существования Питера от других жителей города стало невообразимо сложно, и Берг решил переехать в пустошь, подальше от ненужных глаз. Так и появился маленький домик в тени огромной скалы.

Когда Питер подрос и научился управлять своим телом, Берг столкнулся с новой проблемой. Питер не мог нормально пользоваться даже самым примитивным оружием, а суровые условия пустоши требовали от человека, чтобы он мог защищать себя. Так появились клыки, когти и броня Кузнечика.

Постепенно Берг понял, что ему больше не нужно заботиться о сыне, что тот может не только постоять за себя, но и, самое главное, выжить. Годы борьбы за жизнь ребенка превратили Берга из молодого талантливого ученого, желавшего спасти мир, в дряхлого старика. Но у него был сын, который любил его и оберегал.

Дорога до места заняла не больше часа. Кузнечик был источником раздражения, но вместе с тем и неплохим проводником. Забраться на нужную скалу Ястребиный Ключ оказалось довольно просто, и когда путники оказались наверху, перед ними открылся поистине потрясающий вид.

Скалистые поля, раскинувшиеся вокруг, – жилище для теней – были окутаны туманом. Вдали лежали бескрайние просторы пустоши, окрашенные в серо-голубой цвет ночи, а на горизонте виднелся отсвет огней города со странным для уха Артура именем «Февраль». На этой земле было на что посмотреть. Но истинная красота находилась не на земле, а в небе. Точнее сказать, само небо оказалось красотой, ее воплощением. Это было такое небо, что и не описать словами. Звезды дрожали, они были огромными, яркими, манящими. Казалось, что вот-вот, и они прольются на землю дождем серебряных слез. Подумав об этом, Артур вдруг понял, что сам плачет.

Его страх перед открытым пространством будто бы улетучился, подхваченный легким ветерком. Глубоко в душе он понимал, что страх этот был ненастоящим, фальшивым. Но понимал и то, что просто так от него не избавиться.

Многие годы Артур провел внутри инженерного скафандра. Не того огромного механизма, который был в распоряжении наемников Джек-Джека, совсем нет, в модели третьего поколения – легкой, тонкой, как ткань, при этом столь же сильной и крепкой, как обе предыдущие модели, вместе взятые. Эти костюмы разрабатывались, чтобы защищать инженеров от опасной среды, травм, увеличивать их физическую силу в десятки раз. В таком костюме можно

было спокойно выходить на обшивку корабля, в открытый космос, переносить стальные балки весом в сотни килограмм и даже работать с реактором, не опасаясь ни радиации, ни зашкаливающих температур. Для многих инженеров скафандр стал второй кожей. Артур принадлежал к их числу.

Он старался не думать о том, как глупо с его стороны было отключить все системы скафандра для экономии запаса батарей, как глупо было довериться Блэку. Но откуда он мог знать? В том мире, где родился Артур, не было предательства и убийства... Он попросту не мог ожидать, что «проводник», который связался с ним по радио, в момент их встречи прострелит ему плечо, обернет его до нитки и продаст в рабство. В тот день вместе с кровью Артура капля за каплей покидало и нечто другое. Были то его идеализм или его вера в человечество – неважно, ведь эту пустоту в душе заняли боль и страх.

Без своей «второй кожи» мужчина испытывал постоянное беспокойство, которое вызывало в нем открытое пространство. Сейчас броня отделяла его от опасного внешнего мира. Это успокаивало.

Кузнечик опять куда-то пропал. Впрочем, неважно, главное, чтобы он оказался рядом, когда нужно будет идти назад.

Артур достал из кармана «световую табличку», которую ему одолжила Гайка. Нехитрое устройство собирали в кустарных условиях из разнообразных древних деталей. Это была обычная трубка из углеродного волокна, внутри которой находились батарея, компьютер от какого-то точного инструмента, карта памяти и голографический проектор. При включении из края трубы полосой света появлялся голографический сенсорный экран. Операционная система была крайне примитивной и позволяла разве что читать с устройства книги, которых, к слову сказать, на карте памяти было предостаточно – за всю жизнь не перечитать. Часть модулей памяти внутри оказалась отключена, по всей видимости, они были неисправны. Артур не стал возиться с железом, остановился на программной начинке. Потратив половину дня, сумел написать простенькую программу для создания на «световой табличке» карты звездного неба.

Такая карта была просто необходима для точной навигации, а значит, и для поиска станций, разбросанных по планете. Компасы тут не работали. Никто даже не знал такого слова, так как станции в своем нынешнем плачевном состоянии имели весьма мощное и нестабильное электромагнитное поле. Ориентироваться можно было лишь по солнцу и звездам, а Артур как инженер прекрасно умел это делать.

Берг не обманул. Место было самым подходящим для такой работы. Артур включил табличку и начал наносить первые созвездия на карту. Ночь предстояла долгая.

Обратно они шли куда медленней и куда спокойней. Питеру попросту надоело издеваться над Артуром. Отец всегда реагировал на его «шалости» бурно – иногда даже кричал. Это веселило Питера. Артур оказался совсем другим и реагировал иначе. Он был какой-то нервный, но совсем в ином ключе. Издевки и подколки Питера скорее отвлекали его от каких-то грустных мыслей и внутреннего беспокойства, нежели раздражали. Питер пока еще не сталкивался с такой реакцией. Собственно, издеваться так долго над кем-то, кроме отца, ему пока и не приходилось. Социальная жизнь Кузнечика оказалась более чем бедной. Даже это дурацкое прозвище – Кузнечик, которое ему дал Артур, радовало Питера. Хоть какое-то внимание.

Питер находил Артура довольно приятным человеком, даже несмотря на то, что тот пытался его убить. Такое обращение было ему привычно. Однако хоть Артур и был ему интересен, Питер считал коллегу своего отца занудой. Тот не говорил с ним и оставался совершенно безэмоциональным. Последний прикол Питера обернулся полнейшим фиаско. Он покинул Артура где-то на час, чтобы затем беззвучно подкрасться к нему. Оказавшись за правым плечом Артура, Питер постучал длинной лапой по левому плечу мужчины, а когда тот отвернулся, чтобы посмотреть налево, скорчил свою самую страшную зубастую гримасу и подался вперед.

Жертва смотрит налево – там пусто, поворачивается обратно, а там ее уже ждут три дюжины острых как бритва клыков, обнажившихся в дьявольской ухмылке.

С полгода назад Питер проделал этот трюк с каким-то бродячим торговцем. Бедолага визжал, как раненый опоссум, пока не потерял сознание, наполнив штаны собственными испражнениями. Это было весело.

Артур лишь слегка вздрогнул и произнес что-то вроде: «О, вот ты где!»

– Ску-у-у-у-учно-о-о, – выдавил тогда из себя Питер и, не найдя никакого другого занятия, прилег поспать.

Сейчас они уже шли обратно. Артур бубнил себе что-то под нос, вероятно, продолжая эти свои непонятные расчеты, а Питер шел рядом, погруженный в свои мысли. А мысли его были заняты Гайкой.

Какой-то частью разума он понимал, что эти его мысли не совсем нормальны – он огромное чудовище, зараженное опасным вирусом, а она обычная смазливая девушка. С другой стороны, она была первой девушкой, с которой он мог просто поговорить, которая была банально добра к нему и не убегала прочь со всех ног. Если исходить из того, что ему рассказывал отец на уроках биологии, – не желать ее было бы ненормально.

Будь кому-то постороннему известны его мысли, их можно было бы считать довольно милыми. Под прочной броней в теле жуткого чудища скрывался застенчивый и в силу возраста слегка озабоченный шестнадцатилетний парень. Сам же он находил свои мысли просто ужасными.

Всю обратную дорогу он провел в раздумьях, что будет лучше – нарвать для Анны степных цветов или вырезать ее портрет из кости, а может быть, камня. Или даже вырезать портрет и украсить его цветами?

Наверное, стоило обратиться за советом к Артуру, но с речевым аппаратом Питера время, нужное на то, чтобы сформулировать вопрос, заняло бы всю оставшуюся дорогу.

До дома оставалось не больше пяти минут пути, когда Питер заметил что-то неладное.

Следы. Артур не мог увидеть их своим обычным человеческим зрением, но для Кузнецика они были повсюду – остаточное тепло на камнях и песке, микроскопические частицы, витающие в воздухе, запах.

Питер взял Артура за плечо: «стой!» – сказал он этим жестом. Затем приложил длинный палец к клыкам – «тихо». Вслушавшись в ночь, Питер не услышал ничего необычного. Это и насторожило его больше всего.

Резким, бесшумным движением он ушел в сторону от Артура, чтобы взобраться на ближайшую скалу, а затем перескочить с нее на следующую. Вскоре он оказался прямо над своим домом.

Там было пусто. Следы были повсюду, и он уже хорошо знал, чьи это следы. Выродки. Судя по всему, их тут побывало с полсотни, но особых разрушений не было видно. Выстрелов Питер не слышал, а значит, отец успел укрыться в убежище и все в порядке. Подвал надежно закрывался изнутри. Там были их генератор, источник воды, склад продовольствия и оружия. При желании там можно было жить хоть целый год.

Выродки – шумные твари, пыхтят, постоянно жуют, рычат друг на друга. Сейчас было тихо, а значит, они все ушли. С легким сердцем Питер спрыгнул вниз.

Нет. Что-то не так.

Ему уже приходилось много раз сталкиваться с вырожденками, он легко читал каждый их шаг по следам. Но сейчас их движение было необычным, неестественным для диких зверей... организованным. Длинная, извилистая полоса холода пересекала все остальные следы. Такие полосы оставляют змеи. Но если так, то в этой змее было как минимум пять метров длины.

Поутихшее в Питере беспокойство стало еще сильнее. Он рванул к убежищу, сметая все на своем пути, повернул хитро спрятанную в стене ручку, дернул дверь на себя и вверх... она открылась.

Дверь должна была запираться изнутри. Ни отца, ни Гайки в убежище не было.

Сердце его заколотилось в груди с бешеной скоростью, из горла непроизвольно вырвался звериный рык, а все мускулы напряглись, будто перед прыжком. Это было последнее, что он запомнил.

Когда все закончилось, Питер обнаружил себя валяющимся посреди двора и беспомощно воющим. Вокруг царила настоящая разруха. Одна из стен дома оказалась проломлена, холодильник валялся на другой стороне двора, а от одного из сараев остались только доски. Все это сделал он сам в порыве ярости.

– Сейчас тебе стоит успокоиться, – услышал Кузнечик голос Артура. Тот сидел прямо над ним, похоже, нисколько не опасаясь. – Прибереги свою злость для выроdkов.

Артур заряжал помповое ружье Гайки.

– Тут нигде ни пятнышка крови. А это значит, твой папа и моя подруга, скорее всего, живы. Мы найдем их и спасем. – Он положил руку на «лицо» Питера, горячая пятерня отобрилась на сенсорах. – Если я не прав, то мы вместе освежаем всех этих ублюдков. Это я тебе обещаю.

С этими словами он встал на ноги и передернул затвор ружья, затем добавил:

– Пора идти.

Глава 4

Лошадей они встретили на рассвете. Точнее, это Бэтси и Роуз встретили их. Старушка Роуз следовала за куда более сильной и умной лошадыю. Та, видимо, сначала увела ее в безопасное место, а затем, когда все кончилось, вернулась обратно. Артур мало знал о внутреннем устройстве этого кибернетического чуда, но каким-то образом машине удалось отследить их с Кузнечиком путь от самого дома. Решение догнать хозяина, видимо, основывалось на том, что машина понимала: Артур единственный, кто сможет ее починить в случае поломки.

Он не стал смотреть в зубы подарку судьбы и, оседлав Бэтси, нагрузил Роуз своим немногочисленным багажом.

Так он наконец-то сумел сравняться в скорости с Кузнечиком. Тот бежал впереди, читая следы выроdkов и выбирая маршрут. Когда взошло солнце и они покинули скалистые равнины, вырвавшись в степь, Артур наконец-то и сам смог различить следы на глинистой почве.

Он, правда, ни черта не понимал в этом деле. В его понимании, тут было просто натоптано. Кузнечику же следы, видимо, говорили о многом – о количестве тварей, о скорости их передвижения и даже о том, что они несут на себе какой-то груз, который уже раза три пытался от них сбежать. Артур пообещал себе, что, когда это все закончится, он найдет время на то, чтобы усвоить хотя бы пару навыков, необходимых для выживания в пустоши.

Артур не совсем понимал, что ему пытался объяснить Кузнечик на своем непонятном языке, состоящем из жестов и обрывков слов, но он догадывался, что, если они немного поднажмут, у них появится шанс догнать чертовых похитителей.

Не вышло.

Следы начали рассеиваться, и Артур с Кузнечиком увидели в отдалении черную полосу каньона, расчертившую степь второй линией горизонта.

Они остановились. Роуз заметно нервничала, перебирала копытами, разворачивалась на месте, дергала головой, но не покидала лидера своего микроскопического табуна. А Бэтси уже жевала что-то, что было похоже на сухой кустарник, сохраняя при этом полнейшее спокойствие.

Артур обратился к Кузнечику:

– Как думаешь, сколько их там?

Тот повел головой, и под пластиной открылись две уродливые ноздри.

– Мно-о-о-о-го-о-о, – произнес Кузнечик, выдыхая.

...Свет включился неожиданно и ослепил Гайку.

Когда ей наконец-то удалось проморгаться, она увидела Берга, за спиной которого захлопнулась дверь, на руках у него было чье-то тело, завернутое в ткань. Берг только кивнул ей, давая понять, что все в порядке, и сразу отнес тело на кровать.

Помещение, в котором они оказались заперты, выглядело как самая обычная комната. Тут, конечно, не имелось окон, а стены были сделаны из металла, но стояли кровать, шкаф и прочая мебель. Все выглядело... древним.

Берг снял с тела покрывало, и, присмотревшись, Гайка поняла, что оно принадлежит девушке-выроdkу. Именно так, девушке, не самке. В ней, на удивление, было очень много от человека, хотя немало и от животного. Своими круглыми ушами, черным носом-кнопочкой и хвостом она больше всего напоминала мышь. И мышь эта дышала. Шерсть покрывала ее тело лишь частично – она была на ногах, руках и спине, оставляла открытыми лишь маленькую, довольно аккуратную грудь и плоский животик. К своему удивлению, Гайка отметила про себя, что слегка завидует фигуре этого создания. Ее собственная грудь была куда больше и порой создавала ненужные неудобства, а плоский животик... эх...

– Вот и причина нашего похищения, – просто сказал Берг.

С час назад одна из тварей, похожая на змею, пришла, а точнее, приползла к ним в камеру. Тварь была разумна и умела говорить, что совсем не вязалось с ее внешним видом – человеческое туловище, покрытое золотистой чешуей вместо кожи, заканчивалось огромным змеиным хвостом. Такая же тварь (а возможно, и та же самая) возглавляла стаю выроdkов, похитивших их с доктором. Когда тварь говорила, она растягивала шипящие звуки и обнажала два пропитанных ядом клыка. Все, что Гайка поняла из ее речи, было для нее весьма неутешительным. Берг являлся для выроdkов очень ценным ресурсом, и причинять ему вред они не собирались, так что, если доктор ослушается или попытается сбежать, калечить и убивать будут Гайку. Немного поговорив, тварь увела Берга с собой, и его не было где-то с час или около того. Все это время Гайка провела в темноте.

– Чего они от нас хотят? – спросила она Берга.

– От меня, Аннушка, от меня... – вздохнул доктор, – у них тут вроде как кастовая система, понимаешь. Каждая каста – отдельный биологический вид. Обычные выроdkи, которых ты и я видели и раньше, – воины. Эти змеи – патриархи, они имеют власть над воинами. Еще есть рабочие, они сами по себе, обеспечивают работу комплекса и никому не подчиняются.

– Комплекса? – не поняла Гайка.

– Это станция, – Берг развел руками, – причем очень большая, целый модуль, наверное. Тут были и оборудование, и капсулы с людьми... ну, точнее, не совсем с людьми, – Берг тяжело вздохнул, – именно это и хотел уничтожить Гермгольц... вмешательство в геном человека. А наш дорогой Артур, чтоб его со всеми остальными, спас и этот цирк уродов.

– Он спасал всех. Откуда же ему было знать, кто тут выроdk, а кто обычный человек? – возразила Гайка.

– Да уж, тогда было не разобрать, – пожал плечами Берг. – Ладно. Концов уже не найти, так что давай, как и раньше, обвинять во всех грехах первый эшелон. Это они начудили, не Артур.

– Я просто хочу знать, чего эти твари хотят, – повторила свой вопрос Гайка.

– Так я же начал объяснять, – забубнил Берг, – патриархи умеют управлять только воинами. У тех стадный инстинкт, вот они и идут за тем, кто сильнее. А вот с рабочими у патриархов не ладится. У тех... как бы это сказать... один ум на всех, единый разум. Управлять ими невозможно. Они производят пищу, энергию, делают все, чтобы выроdkи могли существовать в своем замкнутом мирке. Так было с самой высадки, но с годами воинов стало слишком много. Станция уже не может их прокормить, вот они и выбирают в «дальние земли», то есть в наши края, на охоту. Но это еще не все. Выроdkи-воины голодают и в качестве корма используют рабочих. Если так будет продолжаться и дальше, то выроdkи смогут прожить в изоляции не больше года, затем...

– Что затем?

– Затем им придется нападать на города, чтобы добывать пищу.

– Дерьмо, – просто констатировала Гайка.

– Еще какое, – согласился Берг, – но большее дерьмо случится, если мы поможем им сделать то, чего они хотят.

– А чего они хотят?

– Управлять рабочими. Патриархи сказали мне, что просто хотят вернуться к старому образу жизни, но это ложь. Ресурса их станции на это не хватит. Если они смогут управлять рабочими – смогут захватывать другие станции, превращать их в свои кормушки.

Гайка молчала. Перспектива была настолько ужасающей, что у нее просто не находилось слов.

– А она-то тут при чем? – наконец выдавила из себя девушка, указав на Мышку.

- Воины не только жрут рабочих, порой самцы-воины спариваются с самками рабочих.
- То есть... против их воли?

Берг кивнул.

Гайка почувствовала, как внутри у нее нарастает гнев. В мире не было ничего ужасней насилия над женщиной. Много лет назад Анне чуть не пришлось пережить это, но в тот раз все обошлось – за нее вовремя вступился отец. Но ужас, который она испытала в те минуты, навсегда остался с ней.

– За долгие годы этого... насилия... – продолжил Берг, – наша подопытная – единственное потомство от такого кровосмешения. По словам нашего похитителя, она обладает чертами всех трех каст – сильна, как воин, умна, как патриарх, и умеет подключаться к коллективному сознанию рабочих, при этом сохраняя свою индивидуальность.

– Подопытная? – переспросила Гайка.

– Именно так, – подтвердил Берг, – они... знают, кто я и что я умею. Неважно откуда. Патриархи думают, что я могу помочь им создать гибрид, выделить ее ДНК и... – Берг замолчал, задумавшись о чем-то.

– И... – Гайка не понимала, что Берг собирается делать.

– Думаю, все это подождет. Патриархи сами сказали мне, что она разумна, и они держат ее взаперти против воли. Если у нас тут есть хоть какой-то союзник, то только она. За дверью сейчас штук двадцать этих выродков, так что особого выбора нет... Давай разбудим ее и попытаемся выудить хоть какую-то информацию.

Артур держал руку на ноже, пробираясь по узким тропам вниз, в каньон. За спиной висел Гайкин помповик, на поясе – револьвер, а грудь была перетянута крест-накрест двумя ремнями с патронташами. Кузнечик покинул его в самом начале пути. Строение лап позволяло ему спокойно перемещаться по отвесному каменистому склону. Несколько раз Артуру казалось, что где-то на грани слышимости до него доносится приглушенный звериный рык выродка и тот непередаваемый звук, который раздается, когда острые когти раздрают горло, прерывая этот рык. В такие мгновения Артур смотрел вниз, чтобы в очередной раз столкнуться с бесконечной темнотой ущелья. В одно из таких мгновений он вдруг заметил что-то внизу. Какой-то смутный силуэт прорисовывался в крошечной тьме. Наверное, глаза уже привыкали к такому освещению, точнее, к его отсутствию. Артур не сразу понял, что же он видит, но когда это ему наконец-то удалось, по его коже пробежала мелкая дрожь.

Окутанный странным серо-голубым свечением, на дне каньона громоздился спусковой модуль. «Май-3», тот самый, который сходил с орбиты неразделившимся. Проклятье! Артур был уверен, что модуль погиб. Титан, мифическое чудовище, гидра с сотней огненных голов тормозных двигателей. Он помнил, как модуль сорвался с орбиты, чтобы затем закончить свое безумное падение, расколов твердь земли. Артур не знал, какая часть модуля пережила падение, а какая нет. Но даже если отмести сотни тысяч человеческих жизней, заключенных в криокамеры, модуль был бесценен. Биолaborатории, хранилища ДНК, инкубаторы – достаточно материала для того, чтобы воссоздать биосферу всей планеты.

Узкая тропа под ногами была крайне ненадежной. Нагружать ее лишним весом он не рискнул и оставил броню наверху. Какая-то часть его сознания сейчас вопила от ужаса и непонимания: «Зачем, зачем тебе туда соваться, что ты там забыл?» Другая, та, которая оказалась сильнее, твердо знала, что если он сейчас не рискнет, то у Гайки и Берга не будет шансов спастись.

Он продвигался вниз не спеша, выверяя каждый шаг. Спускаясь все ниже и ниже к логову выродков, за силуэтом модуля Артур постепенно начал различать еще что-то... огни, движение...

В очередной раз прикоснувшись к стене за своей спиной, Артур обнаружил, что та поросла какой-то растительностью, чем-то наподобие бледной травы. Воздух тут был сырой, прохладный. Его пропитывали запах плесени и неосязаемое звучание жизни, и с каждым шагом они становились все сильнее. Почву пробивали корни, покрытые наростами люминесцентных грибов. Их свет разряжал тьму, и в нем то и дело мелькали мелкие крылатые насекомые, издававшие звуки, которые поначалу невозможно было отличить от тишины.

Весь спуск занял у него около получаса, и когда Артур оказался внизу, он обнаружил вокруг себя целый тропический лес. По дну ущелья миллионом ручьев струилась вода, питая странного вида грибы-деревья и прочую растительность, рожденную не иначе как чьим-то болезненным воображением. У «деревьев» не было ни начала, ни конца, все они сплетались в одну огромную систему, больше всего напоминавшую изображения нервной системы человека. На удивление тут было светло, словно в сумерках, – узловые точки «деревьев» излучали мягкий, будто бы серый свет.

В этой удивительной замкнутой биосфере имелось место и для животных – их смутные силуэты мелькали то тут, то там.

Первого выродка он встретил буквально сразу же. Пробираясь между крон этого таинственного леса и перепрыгивая неглубокие ручьи, Артур слишком поздно заметил фигуру, притаившуюся в темноте. Его пальцы сжались на рукояти ножа, лезвие которого сейчас смотрело вниз, кровь моментально наполнилась адреналином, и мужчина подался вперед, когда вдруг понял, что выродок видит его, но не проявляет никакого интереса. Тварь была выше тех своих сородичей, которых Артуру довелось видеть раньше. И походила она скорее не на волка, а на антропоморфного грызуна – крысу или крота. Длинные пальцы на массивных руках были почти лишены когтей и предназначались скорее для работы. Вот и сейчас выродок, бросив меланхоличный взгляд на незваного гостя, продолжил собирать серые катышки грибов. Тварь была рабочим, не воином.

Артур вздохнул с облегчением. Но не успел адреналин успокоиться в его крови, как откуда-то из темноты выскочила другая тварь и ударом своей туши повалила рабочего на землю. Волчья пасть сомкнулась на шее жертвы. Еще секунда – и все будет кончено. Рабочий даже не сопротивлялся.

Артур не понимал, зачем он это делал, но все его нутро будто жгло огнем, яростью. То, что сейчас происходило, могло быть естественным процессом для этого замкнутого мира, но почему-то инженер не мог позволить, чтобы это случилось. Прыжок вперед был молниеносным, таким же оказался и удар. Артур накрыл рукоять ножа левой ладонью, и лезвие с треском пробило череп выродка. Тварь осела. Артур встал на ноги и дернул нож назад, но тот застрял, и, вместо того чтобы вытащить нож, мужчина поднял голову выродка, освободив таким образом шею жертвы из смертельного захвата. Рабочий тихо скулил и истекал кровью, но был жив. Оттащив тушу твари в сторону, Артур уперся сапогом в ее морду и наконец-то мощным рывком выдернул нож.

Рабочий уже поднимался на ноги. Лапой он зажимал рану на шее, а глазами обращался к Артуру с немим вопросом.

Вытирая о шкуру убитого выродка лезвие ножа, инженер лишь пожал плечами.

– Куда увели двух пленников? – неожиданно для самого себя спросил он.

Артур, конечно, не ожидал ответа на этот вопрос, но выродок-рабочий оторвал окровавленную ладонь от своей шеи и указал в сторону станции.

– Вот так, еще пару минут, и она должна прийти в себя... – Это были последние слова Берга, потом Мышка открыла глаза и, оттолкнув доктора, вскочила на ноги.

– Хей-хей, красotka, – Гайка вытянула руки перед собой в примиряющем жесте, – никто тут не хочет причинить тебе зла.

В ответ на это красотка бросилась на нее. Она не стала впиваться Гайке в лицо, вместо этого змеиным нырком проскочила у той между ног и, оказавшись сзади, схватила девушку за горло обеими лапами. Острые когти легли на сонную артерию.

– Кто? – взвизгнула она. – Зачем? тут? я? отпусти!

– Детка, мы... кх-м... – из-за захвата Гайке было тяжело говорить, – не причиним тебе вреда.

Берг, по-старчески кряхтя, поднимался на ноги.

– П-п-патриарх. Где? – не унималась Мышка. – Надо! убивать! п-п-патриарх!

– Пожалуйста, отпусти Анну, и мы сможем поговорить, – произнес Берг и шагнул вперед.

– Нет! – завопила Мышка при его приближении, и острые когти впились в горло Гайки.

– Ах ты, сука! – вскрикнула Анна и изо всей силы ударила выроodka локтем под дых.

От мощного удара Мышка запищала и ослабила хватку. В ту же секунду Гайка схватила ее за лапы. Вслед за этим последовал бросок через себя, и хрупкое девичье тело с грохотом опустилось на пол.

Гайка перевела дыхание и попыталась добавить выроodka еще и удар с ноги, но та уже вскочила на лапы и метнулась в сторону.

Видимо, не найдя другого выхода, девчонка забилась в угол и начала... рыдать.

– Не бить, – скулила она, – не бить.

– Я ее прикончу, – рычала Гайка, стирая капли крови с шеи. Мышка лишь слегка поцарапала ее. – Или просто покалечу.

– Слушай, – Берг подошел к мутантке и сел перед ней на корточки, – никто тут не собирается причинять тебе вред. Тебе не сделают больно.

– Больно. Нет? – спросила Мышка и что-то изобразила своей звериной мордочкой – поставила бровки домиком.

– Больно, нет. Не больно. Обещаю. – Берг улыбнулся, стараясь при этом не показывать зубов. Животное могло воспринять это как агрессию.

– Она. Больно. – Мышка указала когтистым пальцем на Гайку, а та в ответ бросила злобный взгляд на выроodka.

– Она защищалась, – успокаивающим голосом продолжил Берг, – ты ведь напала на нее, верно?

– Я? Напала... – Мышка заплакала. – Напала. Да... простить... простить?

Берг сердито посмотрел на Гайку.

– Ладно, – выдавила из себя Анна. Хотя секунду назад ей и хотелось отдубасить это чудо природы, сейчас гнев пропал. Это был всего лишь маленький, беззащитный ребенок... с острыми как бритва когтями. – Ладно, прощаю. Только не реви.

– Как тебя зовут? – спросил Берг и протянул Мышке руку.

– Имя? Нет, – просто выдала она, когда Берг помогал ей подняться на ноги, – нет имен. Мы.

Берг проводил ее до кровати и укутал в одеяло. Его как врача, конечно, не смущала ее нагота, но так ей, скорее всего, будет уютней и она легче раскроется.

– Тогда мы станем называть тебя Мышкой, – произнес Берг, – ты ведь маленькая симпатичная мышка, верно?

– Мышка, – она улыбнулась, обнажив почти человеческие по форме, но по-мышьиному желто-оранжевые зубы, – верно.

– Мышка, пожалуйста, – обратился к ней Берг, – расскажи нам, как отсюда выбраться.

– Нет пути, – коротко ответила Мышка. – Патриархи держат. Делают больно. Хотят п-п-потомство.

На какое-то время повисла тишина, которую нарушила Гайка.

– Боже, они ее... – робко спросила она, – насиловали?

Берг кивнул:

– Похоже на то.

Мышка укуталась в одеяло и, подтянув к себе ноги, обняла их руками. Берг встал и отвел Гайку в сторону.

– Бедное дитя нам ничем не поможет, – жестко сказал он, – эти чудовища уже пытались создать гибрид... доступными им методами. И, скорее всего, будут пытаться дальше. Безмозглые, жестокие твари. Без моей помощи у них ничего не выйдет, а я не буду им помогать. Черт, еще немного, и они додумаются натравить на нее толпу своих воинов.

– Но этого нельзя допустить, господи. – Глаза Гайки округлились. – Она же *ребенок*. Сколько ей? Пятнадцать, шестнадцать лет?

– Ровесница Питера! – вздохнул Берг, а затем добавил очень тихо: – У тебя хватит силы ее задушить?

– Что?! – воскликнула Гайка.

– Мы не можем оставить ее в живых. – Берг буквально шипел на Гайку, четко и очень тихо проговаривая каждое слово, – Убьем ее, а затем... – Он так и не смог закончить фразу. – Только представь, что они сделают с ней, что они уже с ней сделали.

Гайка хотела возразить, но понимала, что ей нечего сказать. Мышку ждал ад. Она повернулась, чтобы взглянуть на нее. Та все еще сидела на кровати, но что-то в ней изменилось. Она вытянулась вверх, будто приносясь к чему-то, мышцы лица были расслаблены, а красные глазки смотрели в пустоту.

– По нашей земле идет Защитник, – произнесла она не своим голосом, – он идет, повергая предателей, карая их стальным когтем. Большой бродяга с поверхности идет меж наших лесов, и тень, ускользящая от нас, следует за ним. Готовьтесь, ведь он идет за вами. *Мы* пребываем в молчании.

– Что? – не поняла Гайка.

– Говорили. *Мы*, – улыбнулась Мышка, возвращаясь в свое нормальное состояние, – редко. Бывает. Молчание. Лучше.

Гайка вопросительно посмотрела на Берга.

– Вы хоть что-то понимаете?

– Дорогуша, – ухмыльнулся Берг, – мой сын за всю жизнь не научился говорить больше одного слова в минуту, а с языком жестов у него вообще беда. Кто может понять его – поймет кого угодно. Если я прав, то с нами сейчас говорил тот самый коллективный разум, который я должен поработить. Аннушка, мы не одни. «Большой бродяга с поверхности» – наш дорогой Артур, а «тень» – это, похоже, мой Питер.

– Они пришли за нами, – улыбнулась Гайка.

– А куда бы они делись? Я просто не знал, как скоро они смогут нас найти, – ответил ей улыбкой Берг, после чего обратился к Мышке: – Девочка моя, мы собираемся забрать тебя отсюда. Уведем тебя туда, где тебе никто не будет делать больно. Хорошо?

Мышка кивнула.

– Анна, – обратился он к Гайке, – я знаю, что ты неплохо разбираешься в оружии. Они дали мне кое-какие медицинские инструменты. Сможешь с ними что-нибудь симпровизировать? А я пока найду блокировку двери и переведу свет на резервный канал питания. Нам нужно будет продержаться столько, сколько мы сможем, до того как прибудет кавалерия.

Питер успел неплохо изучить территорию, пока присматривал за Артуром. Ему не особо хотелось, чтобы тот попался в лапы к выродкам. Он наблюдал за человеком издалека, покидал на время, чтобы лучше осмотреться или устранить лишние глаза и уши, а затем возвращался обратно. В конце концов он понял, что Артур сам неплохо справляется, и покинул его.

В этом дивном грибном лесу Питер чувствовал себя как дома. Наружу выползла вторая часть его натуры – не шестнадцатилетний парнишка, воспитанный интеллигентным отцом в большой строгости, а огромный дикий зверь, ведомый жадой охоты. В отличие от своего отца и даже от Артура Питеру было наплевать, что или кого он убивает. Если оно угрожало ему и его семье, оно должно умереть. Питер был жесток настолько же, насколько и мир, в котором он вырос.

Выродок затаился над тропой, спрятался в сплетении грибов-деревьев. Прыжок, оттолкнуться, еще прыжок... схватить за лапу, потянуть к себе и затем встретить его движение прямым ударом когтей в морду.

Два хищника обошли с разных сторон. Привыкли к тому, что жертва их боится. Сейчас они жертвы. Первый бросился вперед. Схватить за морду, поднять над землей и, ломая шею, сбить его тушей второго с ног. Он упал на землю. Размозжить его голову ударом ноги. Все еще жив. Еще удар. Еще.

Не заметил третьего. Тот набросился сзади, впился в плечо зубами, когтями. Тишина – нельзя рычать, нельзя показать остальным, где ты. Схватить выродка за лапы, дернуть в разные стороны. Разорвать на части.

Не скоро к нему вернулась возможность мыслить, рассуждать. Когда наконец дикий зверь, сидящий внутри, сдал позиции, Питер понял нечто очень важное.

От него разлило кровью выродков. Перемазанный в ней с ног до головы, Кузнечик потерял одно из важнейших преимуществ охотника – скрытность. Любой хищный зверь, а такими как раз были выродки, мог учуять его за сотню метров. Нужно было срочно избавиться от запаха. В пустоши он нашел бы грязи или, например, песка, чтобы хорошенько изваляться в них, но тут такого не было.

Правильная мысль не сразу пришла в его голову. Питер попросту никогда не видел такого количества воды. Для него вода в первую очередь была тем, что пьют. Отец, конечно, частенько обмывал его мокрой губкой, что дико не нравилось Питеру, но чтобы искупаться в воде... эта разумная в целом мысль поначалу показалось ему дикой. Но другого выбора не имелось.

Вода струилась под ногами, ее было много, но все равно недостаточно для того, чтобы отмыть его огромную тушу. Питер задержал дыхание и прислушался. Сквозь миллион звуков, которые издавал лес, послышался звук текущей воды. Не такой, к которому он привык, – звук был в десятки, сотни раз мощнее. Сначала походивший на приглушенное бурчание, с каждым шагом звук становился все сильнее и сильнее, пока не стал сравним с раскатами грома. Источником звука была некая конструкция, торчащая из груды булыжников.

Аккуратно, стараясь не привлекать лишнего внимания, Питер обошел эту конструкцию и наконец-то увидел воду, которую искал.

С искренним удивлением он обнаружил в своем словарном запасе подходящие термины: «водопад», «озеро».

Из глыбы камня, сравнимой по размеру и форме со знакомой ему скалой Ястребиный Ключ, торчала стальная труба метров пяти диаметром. Из нее, не прекращая, бил поток воды, которая с оглушительным рокотом падала в огромное озеро. Вода была будто живая – она извивалась и блестела в странном свете грибного леса. Миллионы капель разлетались вокруг, оседая на беспокойной поверхности озера, поднимаясь над ней сизым паром. Живительная влага ощущалась даже кожей, по которой бежали мурашки. Питер застыл на месте. Никогда в своей жизни он не видел ничего подобного. Не обладая обычным человеческим зрением, он тем не менее регистрировал всю эту картину десятками сенсоров. Кузнечик одновременно не видел ничего и видел все – потоки света, потоки воды и потоки холодного, влажного воздуха. Никто в мире не мог бы увидеть эту картину так, как он.

День назад он чувствовал, как плачет Артур, смотря на звезды. Тогда он не мог его понять, а сейчас... свет не только падал на озеро вместе с потоком воды, но и сама поверхность

водоема излучала сияние. Сияние это, как и все вокруг, было живым. У Питера не нашлось подходящего термина для этого, но он чувствовал под водой живых существ, излучающих свет. До этого момента он ни разу не задумывался над тем, что значит слово «прекрасно», поскольку в этом не было необходимости. После этого мгновения он тоже не задумывался, потому что теперь четко знал, что оно означает.

Пробежав глазами по водной глади, Кузнечик заметил фигуру выродка, склонившуюся к воде. Если бы только на его лице могла появиться улыбка... Жестокая, хищная улыбка... Ее место занимал оскал.

Выродок явно был не из этих безобидных рабочих. Хвост, шкура, форма тела – все указывало на то, что это воин, пусть он и был меньше остальных, которых доводилось видеть и убивать Питеру.

Поток воздуха шел от водопада – выродок не почувствует его запаха. Ноги ступали по мягкой, влажной земле – он не услышит его шагов. Еще немного, и острые когти вонзятся в тело жертвы. Еще немного, и...

Тень. Тень Питера легла на поверхность озера, и подводные существа, испугавшись ее, устремились в разные стороны. Выродок успел отреагировать, но не так, как ожидал Питер.

Жертва, враг – выродок не стал атаковать, не стал даже убегать. Он лишь сжался, прикрывая что-то в своих лапах всем телом.

– Нет... – выдохнул Питер.

«Только не это, нет!» – добавил он мысленно.

Его когти застыли в сантиметре от шкуры твари. В сантиметре от шкуры матери, закрывшей телом своего ребенка. Питер отступил назад. Нет, ему было не наплевать, кого он убивает.

Выродок со своим щенком, воспользовавшись моментом, рванула с места. Она была в безопасности – Питер не собирался преследовать ее. Он входил в воду. Теперь ему было просто необходимо смыть с себя эту кровь. Она жгла кожу, жгла все его естество – кровь живых существ: сыновей, братьев, отцов. До этого момента выродки оставались для него просто животными, дичью. Но сейчас он понял, что они мало чем отличаются от людей.

Вода полностью поглотила его тело. Неожиданно Питеру стало очень легко и очень спокойно. Сенсоры сбились лишь какие-то секунды, пока он не почувствовал сразу все озеро. Его восприятие невероятно обострилось. Вода кружилась вокруг странным вихрем – попадала в озеро сверху, растекалась вокруг ручьями, но большая ее часть уходила куда-то вниз. Она утекала по еще более широкой трубе куда-то в сторону логова выродков. Питеру подумалось, что если он хочет избежать лишних смертей, то это может оказаться лучшим путем внутрь.

Он взмахнул руками и тут же почувствовал, как его тело сместилось в воде. Еще немного поэкспериментировав с движениями, понял, как можно передвигаться в этой среде. Питер всплыл на поверхность и сделал несколько глубоких вдохов. Запаса кислорода в его легких хватит минут на десять. Достаточно, чтобы разведать обстановку и, если что, вернуться назад.

В какой-то момент пробираться к станции стало сложнее. Выродков становилось больше. Артур не сразу понял: почему, но вскоре сообразил Кузнечик покинул его и больше не расчищает дорогу.

Что ж, придется полагаться только на себя.

Он был чрезвычайно осторожен, не привлекал лишнего внимания, не рисковал, предпочитал переждать опасность в укрытии. Он попросту не мог допустить того, чтобы его присутствие кто-нибудь заметил. Выродки, которые встречались по дороге, в большинстве своем были спокойны и вели себя вполне естественно. В лесу, конечно, не наблюдалось ни патрулей, ни поисковых групп – просто толпа хищных тварей жила своей обычной жизнью.

Входов в станцию было множество – дыры в обшивке, поросшие грибком, большие и маленькие. Несколько минут он потратил на то, чтобы вспомнить приблизительную архитек-

туру этой конструкции. Когда наконец понял, что станция стоит в своем нормальном положении – то есть не перевернута с ног на голову, – легко смог обнаружить центральный технический коридор и небольшой тоннель, идущий параллельно ему. Последний он и выбрал. Судя по всему, им не пользовались, так как тоннель просто дублировал большой и удобный путь.

Артур вскарабкался на ближайшее гриб-дерево и, подождав, пока рядом никого не будет, перебрался в тоннель. На удивление внутри было светло – хоть люминесцентные пластины и не работали, их заменял светящийся грибок, покрывший тонким слоем почти всю поверхность стен.

Каждая станция имела свое уникальное предназначение, и потому все они очень сильно различались. Впрочем, проектировали и строили их одни и те же люди, используя одни и те же элементы, одни и те же принципы. Достаточно было иметь представление об архитектуре одной станции, чтобы суметь сориентироваться в любой другой. Артур был хорошо знаком с этими древними конструкциями – если считать время, проведенное им в заморозке, они оказывались почти ровесниками. Так что единственной проблемой для него было то, что выродки успели многое поменять, пока тут жили. Повсюду встречались следы разрушений, возникших, вероятно, при падении. Разрушения эти заделывали, станцию ремонтировали. Материал везде оказался одинаковый – биомасса, поросшая светящимися грибами. Артуру было противно думать, откуда бралась эта биомасса. В воздухе стоял крепкий аромат ржавчины, плесени и гниения.

Тоннель, как и предполагал инженер, оказался заброшенным. Время от времени попадались люки и вентиляционные решетки, позволявшие ему выглянуть в главный коридор. Там кипела жизнь. Выродки-рабочие таскали какие-то металлические ящики, делали еще что-то непонятное. Между ними то и дело мелькали выродки-охотники. Сейчас те казались не такими агрессивными. Артур наблюдал за ними не больше минуты – это давало ему возможность, с одной стороны, понять, как движутся выродки, и прикинуть, где они могут держать пленных, а с другой стороны, не выдавало тварям его позицию. Артур понимал, что если он задержится в одном месте слишком долго, его может демаскировать собственный запах – на станции было жарко и душно, комбинезон уже буквально пропитался потом.

Станция, вернее сказать, модуль оказался огромным. Что уж там говорить, Артуру за полгода не удалось целиком исследовать станцию Старика, а модуль был по размеру как три с половиной таких станции. К счастью, выродки по какой-то причине избегали технических помещений, а те составляли большую часть этой огромной конструкции.

Вскоре инженер заметил кое-что необычное. Патрули. В одной из зон модуля охотники двигались вдоль коридоров отрядами по трое с определенной регулярностью. Действительно, это было для тварей неестественным поведением. Артур свернул в другой технический тоннель и некоторое время изучал маршруты патрулей. Все они проходили вокруг одной точки. По указателям, все еще проступавшим на стенах, он понял, что это место называется «спальное крыло». Ну а где еще, спрашивается, держать людей-пленников, как не в комнатах, идеально приспособленных для их жизни, комнатах со стальными дверями?

Артур вновь поменял направление движения. Вскоре сквозь решетки показались двери спальных комнат. Инженеры первого эшелона пользовались ими во время полета. И пускай это казалось слегка иррациональным, комнат разгородили много, так, чтобы каждый имел свое личное пространство. Артур быстро нашел нужную дверь. Пропустить ее было бы сложно – вокруг двери столпилось штук двадцать выродков, не меньше.

Артур пока не представлял, что теперь ему делать. Наверное, стоит найти путь в комнату по перекрытиям. Да, там будет тесновато, но вот чего-чего, а замкнутых пространств он не боялся. Прикидывая возможный маршрут, задержался слишком долго. Незаметный поток воздуха обдул его со спины, унося частицы запаха прямо к хищным тварям вниз.

«Вашу тварь!..» – подумал Артур, когда на него устремилось четыре десятка голодных красных глаз. И это еще было не самым плохим из того, что произошло. Дальше по коридору

он увидел то, что оставило «змеиный» след возле дома Берга. Огромная, метров шесть в длину, тварь – эдакий змеевыродок. Существо тут же уловило, что происходит, и изменило маршрут движения. Змея метнулась в сторону ближайшей к ней вентиляционной решетки.

Представив, что случится, когда это создание накинется на него в тесном коридоре, Артур взял в руки дробовик и рванул в противоположную сторону. Он не видел, что происходило с выродками, но понимал, что вся толпа пришла в движение.

Падение было неожиданным. Артур так и не понял – это змеевыродок толкнул его в спину или же он сам поскользнулся на светящейся биомассе. С грохотом рухнул на пол, который не замедлил провалиться вниз под его весом.

Артур тут же вскочил на ноги и обнаружил, что стоит прямо посреди того самого коридора, где находится толпа выродков.

– Вашу же мать! – произнес он на этот раз вслух и вскинул ружье.

Прозвучал первый выстрел – две твари получили свой заряд картечи, и еще до того, как их тела коснулись пола, Артур передернул затвор. В ту же секунду дверь, ведущая в комнату, которую охраняли выродки, отворилась. Несколько тварей метнулись на Артура, чтобы быть сбитыми еще двумя выстрелами, а остальные почему-то пока находились в замешательстве.

Неожиданно один из тех выродков, которые стояли напротив двери, повалился на пол. Из его головы торчал скальпель. Затем из дверного проема на большой скорости вылетел какой-то тонкий обрезок трубы и врезался в брюхо еще одной гадине.

Один из выродков попытался сунуться внутрь, но тут же вылетел обратно с раскученной мордой. Артур догадывался, что у Гайки тяжелая рука, но чтобы настолько? За спиной послышалось шипение. Он не стал дожидаться возможности узнать, что или кто его издает, и сделал кувырок вперед, прямо к выродкам-охотникам. Приземлившись на колено, выстрелил из этого положения, а затем изо всей силы приложил кинувшегося на него выродка прикладом между ног.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.